

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго
Морок пробуждается

«ЭКСМО»

2011

Варго А.

Морок пробуждается / А. Варго — «Эксмо», 2011 — (MYST.
Черная книга 18+)

ISBN 978-5-699-48336-5

По небольшому городку Салимов катится волна самоубийств. Погибшие — молодые люди, работающие на одном и том же заводе. Объединяло их не только это — все они сильно пили. Незадолго перед их гибелью окружающие стали замечать, что поведение молодых пьяниц меняется: они часто умолкали на полуслове, с ужасом глядя куда-то за спины собеседников, а иногда, оставаясь одни, начинали перепалку с кем-то невидимым... Иван Щеглов, главный энергетик завода, хочет разобраться, в чем же тут дело. Наконец до него доходят слухи, что все самоубийцы недавно смотрели какой-то странный фильм...

ISBN 978-5-699-48336-5

© Варго А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Варго

Морок пробуждается

Пролог

Филипп Силин не был готов умереть в сорок три года. Наверное, и в восемьдесят три не будет готов, но сейчас это как-то особенно тяготило. Вначале он не смог определиться со временем суток. Гребаная «машина времени» всегда подлавливала его на полпути к дому. Только Филька стоит с корешами, самогонку хлещет, и – бац! – уже утро, а Филька у собственной калитки просыпается. А может, он и вовсе в другое измерение попал? Был у них один случай. Семен Плотников выпил с мужиками и сгинул. Кто говорит, что его Иные забрали, а кто – в болоте утоп. Только Филька знал – Плотников в другом измерении. Да и огни над деревней – никакие не инопланетяне. Огни – разведчики из параллельного мира.

Когда это началось? Трудно сказать, тем более в том состоянии, в котором зачастую пребывал Силин, но в дни просветления он осознавал, что все началось с кодировки у доктора Соколова. Точнее, со срыва Фильки. Да, так и есть, за ним начали следить сразу же после того, как он раскодировался, так сказать, расторгнул договор в одностороннем порядке.

Филька сел и схватился за голову. Головная боль могла быть результатом какого-нибудь эксперимента. Он вспомнил вывеску в кабинете Соколова. «Ночной эксперимент» поможет вам сохранить семью», – гласила надпись на плакате.

Силин ощупал себя, потом то, на чем сидел. С правой стороны оказалась трава, а с левой... Черт! Рука залезла во что-то теплое и вязкое. Он поднял ее и понюхал ладонь. Черт! Чья-то блевотина! Не трудно догадаться чья. «Конечно, они влезли мне в голову, поэтому я и облевался», – подумал Силин, развернулся и выставил перед собой руку. Забор. Очень хорошо. Наверняка в другом мире еще не научились делать такие добротные заборы, как в Першине.

Он поднялся по эволюционному прорыву в першинском заборостроении и посмотрел вверх – над лесом появились огни. Сначала один, едва заметный, потом еще, еще и еще... Филипп насчитал семнадцать. Огни становились все ярче и увеличивались в диаметре. В деревне посветлело, как днем.

«Следите, суки!»

Теперь Силин был уверен на сто процентов – его похищали и, возможно, даже вживили в него какой-нибудь чип. Он не знал толком, что такое чип, но считал, пока эта херня будет в нем, они не отстанут. Большинство огней постепенно погасло, а оставшиеся тускло освещали крыши домов и одинокого путника – Фильку Силина.

«Ночнички, бляха! Надо к Сычихе сбегать, самогоночки взять и мозги промыть. Чего вражеские чипы могут бояться, так это нашей родной самогоночки».

Освещенный призрачным светом оккупантов из параллельного мира, Филька вприпрыжку потрусил на другой край деревни, к Клавдии Афанасьевне Сычевой. Он передвигался осторожно, стараясь на всякий случай быть все время в тени строений. Филипп прекрасно понимал, что, пока не выпьет самогонки, чип будет выдавать его. Последние пять метров до избы Сычихи Силин пробежал, низко пригнувшись, прижался к стене дома и выпрямился в полный рост. Теперь дело за Сычихой. А если она заартачится и не даст самогонки? Тогда все – пиши пропало!

«Я ее убью! Убью и возьму столько самогонки, сколько смогу унести».

Сычиха закрыла даже ставни. Бойтся, наверное, что пришельцы ее для опытов заберут и выведут рецепт самогонки. Филька постучал по расписной ставне, и каждый удар мгновенно

отдался колокольным звоном в голове. Вдруг он заметил, что ставни просто прикрыты. Раздвинул одну и постучал в темное окно. Сначала тихо, затем сильнее, настойчивее.

– Сука старая, не торопится, – буркнул себе под нос Силин. – А куда ей торопиться?

Из темноты выплыло бледное лицо старухи и так неожиданно, что Филька даже отшатнулся. А что, если Сычиху уже завербовали? И она его отравит?

– Чего тебе? – открыла окно Сычиха, и на Фильку сразу пахнуло первачом.

Нет, не завербовали.

– Слушай, Сычиха, опохмели, – попросил Силин.

– Много вас таких! Долг вернешь, тогда и приходи. – Старуха потянула створку окна на себя, но Филька изо всех сил уперся в оконную раму. – А ну убери руки, пьянчуга проклятый!

– Сычиха, я ведь по-хорошему прошу.

– Я тебя, козлина, пока тоже по-хорошему прошу! Щас Федьку кликну, он тебе морду твою наглуу враз подправит.

Федька жил с ней по соседству, через три дома. Значит, ее сынок в городе.

– Сука, дай самогонки! – крикнул Филипп.

– Помогите! Убивают! – завопила старуха, но резкий удар отбросил ее в глубь комнаты.

Филя быстро перемахнул через подоконник, переступил через лежавшую на полу хозяйку и подошел к облезшему буфету. От огня «разведчиков» в комнате было очень светло. Точно, следят! Он открыл дверцу буфета и увидел на полках бутылки с мутной жидкостью, стоявшие в несколько рядов. Схватил одну, вытащил пробку, скрученную из газеты, и сделал пару глотков. Свет за окном начал меркнуть, и в комнате слегка потемнело.

Вот так-то!

Вдруг Филька услышал шевеление за спиной и резко обернулся. Что-то маленькое пробежало по Сычихе. Может, кошка? Все еще крепко сжимая бутылку в руках, он приблизился к старухе.

– Помогите! – раздался сдавленный крик, и Силин едва не выронил бутылку, увидев, что старуха начала подниматься.

– Уби... – И вопль оборвался под звон разбитого стекла.

Филя отбросил горлышко в темный угол. Ему снова показалось, что оттуда кто-то прошмыгнул под кровать. Надо побыстрее убираться отсюда! Он начал вытаскивать бутылки из буфета. Несколько упало на пол, и запах спиртного разлился по комнате, дразня Силина. Схватив шесть пол-литровых бутылок – больше не смог, – Филя выбежал на улицу, завернул за дом и огляделся – за огородом Сычихи начинался лес, где он и решил укрыться. Перебежками добежав до лесного пруда, Силин сел под ивой и еще раз посмотрел на огни. Они то гасли, то вспыхивали вновь, вызывая ощущение тревоги. Филе казалось, что за ним бегут какие-то маленькие существа. Он глотнул самогонки, оторвался и вдруг услышал, как в метре от него зашуршал камыш. Что-то плюхнулось в воду, и в камышах снова зашуршало, вроде справа прошмыгнул кто-то. А потом все стихло. Силин начал успокаиваться и уже собирался сесть, как шорох возобновился и стал приближаться к нему со всех сторон.

Их было множество. Берег буквально кишел маленькими черненькими существами, бегавшими на двух ножках. Большеголовые твари походили на зародышей, умеющих ходить (насколько, конечно, об этом мог судить Силин). Они надвигались прямо на Филиппа, и он, выпрямившись во весь рост, уже приготовился дать тварям достойный отпор. Но существа не остановились при виде огромного человека, а продолжали нестись на него, не прекращая издавать звук, похожий на стрекот кузнечика, только громче. Намного громче. От этого стрекотания, заполнявшего все окружающее пространство, можно было сойти с ума.

Первая тварь прыгнула на лицо Филы, но он не растерялся и ударил по ней бутылкой. Существо, вереща, отлетело к воде, но другие не отступали. Они прыгали, отлетали и снова прыгали на него. Он отбивался изо всех сил, пока не почувствовал острую боль в левой ноге,

будто кто ножом полоснул, и машинально присел на корточки. Черные твари воспользовались моментом и тут же набросились на Филиппа. Вспыхивающие в небе огни всполохами освещали борющегося с таинственными существами человека.

«Они заманили меня, – билось в захмелевшем мозгу Силина. – Они меня сюда заманили».

Один уродец попытался добраться до горла Фили, но он успел его перехватить. Тварь замахала лапками, царапая ему руки. Филипп еще сильнее сдавил горло большеголового и заорал:

– Сука!

Все происходило быстро, неожиданно и совсем не так, как ему хотелось. Он чувствовал, что его буквально пожирают живьем эти... даже невозможно подобрать им название. Филипп всмотрелся в того, которого пытался задушить: черная лысая голова, на морде, кроме больших глаз и широкого рта, ничего не было. Ни складочки. Тварь открыла рот, обнажив сотни иголок-зубов, и застрекотала, как кузнечик. Фили на мгновение ослабил хватку, и тварь тут же вонзила свои иглы в его шейную артерию. Кровь фонтаном брызнула в морды монстрам. Твари кинулись к образовавшейся луже и, отпихивая друг друга, начали слизывать ее.

Сознание Филиппа Силина затуманилось, продолжая, словно издалека, улавливать чавканье и стрекот. Он умер, так и не поняв, кто эти твари.

* * *

– Хер вам, суки гнилые!

Миша налил в стакан водки и выпил. Встал, качнулся, размахивая руками в поисках опоры. Вращение мебели и стен постепенно прекратилось, и Миша пошел к двери. Остановился и, еще раз сказав: «Хер вам!», вернулся к столу. Взял бутылку и снова двинулся к выходу. На пороге глотнул из горла, громко отрыгнул, обтер тыльной стороной ладони рот и усы и пошел через двор к сараю. Будулай, огромная черная дворняга, забился в будку и жалобно поскуливал.

«Он тоже их видит! Или чувствует...»

Миша снова глотнул водки и посмотрел на запад, где за будкой Будулая был огород, подготовленный к уборке. Солнце уже село, окрасив небо в оранжевый цвет, но до темноты у Мишки время еще оставалось.

Он подошел к сараю. Покосившаяся деревянная постройка теперь использовалась только как склад чего-то ненужного и забытого. Но об одной вещице Мишка сегодня вспомнил. Открыв скрипучую дверь и переложив бутылку в левую руку, Миша нащупал справа от себя выключатель. Тусклый свет попытался выгнать тьму, становящуюся почти осязаемой, но она не уходила, только спряталась поглубже в ожидании своего законного времени.

Михаил осмотрелся. Слева в углу аккуратно сложены дрова. Чуть дальше стояли пустые клетки для кроликов – хобби деда. Мишка вспомнил, что тот так и не дал съесть ни одного своего подопечного. Кролики умирали естественной смертью от болезней и старости, как впоследствии и их хозяин. Хотя неизвестно, что лучше – быть съеденным и тем самым принести пользу или умереть от чумки, унося с собой немаленькие суммы, истраченные на корм и прививки. Нет, польза от них, конечно, была. Деду – уж точно. Он, подобно герою фильма «Любовь и голуби», сидел у клеток и ворковал со своими питомцами. Брал с собой пол-литра и все вечера напролет просиживал в сарае.

Мишка посмотрел на остатки водки, поднес бутылку к губам и в два глотка осушил посудину. Пустую бутылку положил в одну из клеток – никому уже не помешает.

Справа у стенки возвышались стеллажи, скрученные из уголка, и два зеленых пенала. Он подошел к одному из стеллажей и громко чихнул. На всем лежал толстый слой пыли. На стел-

лажных полках стояли коробки с ржавыми гвоздями и болтами и куча барахла. Между стеллажами была воткнута ножовка по дереву без ручки. Ржавый топор, служивший и молотком, и зубилом, висел на гвозде над полками. Как-то Мишка, отломив окончательно топорщице, отнес инструмент для колки дров на завод и приварил вместо ручки кусок трубы. Потом, подумав немного, решил просверлить в новенькой ручке отверстие, чтоб топор под ногами не валялся.

Он еще раз глянул на грозное орудие дровосеков и мотнул головой. Нет, топор ему не помощник. Миша знал, что ему делать и что ему поможет.

Он подошел к зеленому пеналу, смахнул паутину и открыл дверцу. Обвел взглядом каждую полку. Старые журналы «Здоровье» – еще одно хобби деда. Он собирался их подшить и пролистывать перед сном как книгу. Ниже лежала кipa старых газет. Либо «Ленинское знамя», либо «Городской вестник» – других-то в Салимове и не водилось. Мишка посмотрел на нижнюю полку, где стояла коробка с выжигателем. Вытащил ее и поставил на стеллаж. Затем присел на корточки и просунул руку вглубь. Нашупав какую-то бутылку, отодвинул ее. Она покачнулась, вывернулась из рук и упала. Резко запахло соляжкой. И тут рука наткнулась на то, что он искал, – на пожелтевшую от времени капроновую ленту. Миша покрутил ее в руке, взял за один конец и дернул. Удовлетворенно хмыкнул и пошел к выходу.

Там его уже ждали: на пороге, преграждая путь, стоял мертвец. Половина лица у него отсутствовала, одежда вся в запекшейся крови.

– А вот хер вам, – пробубнил Мишка и прошел сквозь субстанцию угрожающего вида. Призрак исчез. Но Мишка знал – ненадолго. С наступлением темноты их станет больше. Намного больше.

Его будто подгоняли. Потеряв ощущение времени, Миша не понимал, какой сегодня день недели, какое число. Месяц? Нет, не так уж все и плохо. Конец августа сейчас. И путем нехитрого подсчета он вывел в уме число восемнадцать. То есть Михаил пил уже почти три недели. Три недели, изо дня в день. Все бы ничего, да вот последнюю неделю или около того (потерялся во времени Мишаня) гости у него особенные. Они приходили по ночам. Твари! Да Мишка чуть в штаны не наложил, когда увидел мертвяка рядом с собой в кровати.

Сегодня он проснулся оттого, что в его комнате стояли люди. Мертвые. Те, из фильма. Самоубийцы. Они стояли и смотрели на Мишку. Их взгляды, их опухшие синие лица выражали недовольство. Мол, что это ты, Мишка, развалился? Не пора ли тебе к нам?

Пора!

До сегодняшнего утра твари приходили только с наступлением темноты. Болезнь прогрессирует! Скоро все закончится. Миша посмотрел на моток ленты в руке и улыбнулся. Выход прост, как дважды два. Он должен стать таким же, как эти твари.

Михаил шел к калитке по бетонной дорожке и чувствовал, что мертвецы следят за ним. Они не покидали его ни на минуту. Исчезал один – на его месте появлялись трое других. Они словно боялись, что он передумает и сбежит. Если бы можно было удрать! Впервые за эту злополучную неделю у него появилась цель.

Мишка прошел мимо песочницы, сооруженной собственными руками для сынишки. Она была пуста. В углу он заметил желтый совочек и отвернулся. По щекам потекли слезы. Вот кто его сдерживал. Его Антошка. Он и закодировался только из-за него. Пять лет назад это было. А теперь вот...

«У меня нет другого выхода. Я должен уйти, и тогда все будет хорошо».

Краем глаза Миша заметил какое-то движение и повернул голову. За эти семь дней он насмотрелся всякого, но это уже слишком. В ящике-песочнице сидел мальчишка, судя по телосложению, лет десяти. Голова отсутствовала. Она лежала у мальчика на коленях и смотрела на Мишку.

«Что-то не похож он на самоубийцу. Хотя, может, под поезд лег?» – подумал Миша и пошел дальше. От дома до калитки было около тридцати метров. Секунд сорок ходьбы, а ему показалось, что он идет часа два.

Подойдя к калитке, он взялся за ручку, и калитка тут же открылась. За ней, пропуская Михаила, стояла обнаженная старуха.

«Ну, эта уж точно своей смертью умерла. Сука похотливая!» – подумал Мишка и невольно взглянул на низ живота женщины. Лысый лобок походил на сморщенный высушенный фрукт. Старуха увидела, куда он смотрит, и демонстративно раздвинула ноги. Миша в ужасе отшатнулся. Женщина засунула одну руку между ног, а другой схватила себя за обвисший мешочек кожи и попыталась лизнуть сосок черным языком. Она играла своим телом до тех пор, пока у нее не начался оргазм. Мишка зажмурился. Подобные действия, производимые красивой девушкой в нормальной обстановке, кроме возбуждения, ничего бы не вызвали, но сейчас в помутненном сознании мужчины боролись два чувства – ужас и отвращение. Старуха начала содрогаться и кричать. А когда она достигла оргазма, кожа от лобка до пупка лопнула, и по руке и ногам полилась кровь – черная и густая.

Мишку вырвало. Он обтерся рукавом, не глядя на старуху, вышел из калитки и направился к парку.

* * *

Конец августа выдался холодным, что для города Салимова большая редкость. Дождь, начавшийся еще ночью, часам к десяти закончился, но свинцовые тучи, давящие своей тяжестью на настроение людей, продолжали скрывать солнце. Все казалось пасмурным и серым.

Вася и Жанна шли к Юльке с надеждой на то, что, несмотря на погоду, настроение все-таки удастся поднять. Все, что нужно для этого, у них было с собой. Вася нес три пакета с продуктами и выпивкой. Жанна все время озиралась.

– Что ты маскируешься! Суженого ждешь? – усмехнулся Вася.

– Да ну его! Если этот мудака сейчас увяжется – все, пропали праздник и хорошее настроение. – Жанна смачно сплюнула под ноги.

– У тебя что, праздник какой сегодня? – Вася даже остановился. Пить, конечно, все равно за что, но когда праздник, оно в два раза приятней.

– А у меня каждый день праздник. Может быть, и тебе сегодня перепадет, – вкрадчиво проговорила Жанна и прильнула к Васе.

– Ладно тебе! Сейчас налопочешь, а потом придет Федос и...

– А ты что, сегодня на работу опять забил? – вдруг спросила Жанна и подмигнула уже начавшим желтеть подбитым глазом.

– Работа не волк, в лес не убежит, – без тени улыбки ответил Вася.

До подъезда они дошли молча. Уже поднимаясь по лестнице, парень повернулся к Жанне.

– А твой боксер этот, – он неловко улыбнулся и показал на подбитый глаз девушки, – ему ничего не мерещится? Он же у тебя со стажем.

Жанна посмотрела ему в глаза.

– Что, допился?

Вася замаялся, но промолчал. А Жанна, не дождавшись ответа, продолжала:

– Кто его знает, что этот козел там видит? Так, разговаривает с кем-то, орет... Я в такие моменты стараюсь к Юльке соскочить. Вон последний раз не успела. – И улыбнулась, подняв руку к подбитому глазу.

Они подошли к двери Юлиной квартиры. Хозяйка уже ждала их, стоя в дверном проеме в засаленном халате.

– Что так долго?

– А что? Трубы горят? – усмехнулась Жанна.

Они прошли в узкий коридор, заваленный хламом, а потом в кухню. Стол был завален грязными тарелками и консервными банками, посуда и жестянки заполнены окурками. Запах в помещении напомнил о помойке, на которой Василий с ребятами в детстве из рогатки отстреливал крыс. Он поставил сумки на табуретку и взмолился:

– Жан, открой окно!

– Щас! Я вам открою! – Возмущенная Юлька подскочила к окну и встала перед ним, преграждая путь.

– Дело твое, но ароматы здесь... Не «Шанель». – Жанна повернулась к Васе и подмигнула.

– Знаю. Но если окно открыть, больше его не закроешь. Вы вот пришли, пожрали водки – и по норам, а мне здесь в холоде сиди. Не май месяц, чай!

Решили пойти в комнату, где не так воняло. Придвинули журнальный столик к дивану и расселись. Выпили по первой.

Вдруг от входной двери донесся какой-то слабый звук.

Вася поднял голову и удивленно посмотрел на девушек, встретившись с их такими же удивленными взглядами.

– Ты что замер? – спросила Юля.

– У тебя кошка есть?

– Кролика в сметанном соусе захотел? – засмеялась Жанна.

Вася поднялся, прислушиваясь. Похоже, тот, кто копошился в прихожей, упал. Судя по звуку, этот кто-то был намного крупнее кошки. Женщины тоже встали.

– Какого хрена? – вырвалось у Юли.

– Я... это... Ек-макарек!

– Федька это, – выдохнула Жанна и снова села. – Приперся, сука!

И действительно, в комнату вошел ухмыляющийся Федор. В руках у него были две бутылки водки.

– Тебя кто сюда звал?! – Жанна опять поднялась и подошла к мужчине.

Не переставая ухмыляться, он пытался разглядеть ее через узкие щелочки глаз.

– Жанет, ты че, не рада своему любимому? Иди ко мне. Му-у-у-у... – Федька вытянул слюнявые губы.

Жанна отпихнула его и вышла в коридор. Юлька поспешила следом. А улыбка с опухшего Федькиного лица так и не сошла.

«Счастливчик, – подумал Вася. – Его сейчас даже весть о собственной смерти не заставит стереть с морды эту мерзкую ухмылку». Он забрал бутылки и поставил их на вздутую поверхность стола.

– Видишь, я литруху принес, – сел рядом Федька. Сел – это мягко сказано. Он просто подошел к дивану и упал, по воле случая, приземлившись на провалившееся сиденье, а не на пол. – Я говорю, литру притаранил.

Вася повернулся к нему и, увидев перед собой лицо-тыкву с глазами-щелками, подумал: «Надо же, до чего довел себя», – а вслух сказал:

– Рад за тебя.

– За себя я и сам порадуюсь. Ты лучше за меня налей, а то видишь... – И Федька вытянул вперед руки, на которых пальцы буквально плясали. – Ох, как трубы горят!

Вася посмотрел на бутылки на столе и перевел взгляд на полторы опустошенных под столом, вспомнив, что еще две стоят в раковине. Их неправильное похмелье плавно переходило в пьянку. Сделав глубокий вдох, он разлил водку по рюмкам и крикнул:

– Жанна! Юля! Где вы там? Рюмки захватите!

– Шас, – гаркнула откуда-то из глубины коридора Юлия. Мужчины растолковали это как отказ и решили не дожидаться. Выпили без них.

Федька что-то гнусавил о работе, о вреде алкоголя, но Вася его не слушал.

«Что-то слишком уж спокойно. Не к добру, – думал он. – Что-то сегодня я ни одного уroda не наблюдаю. Кроме Федьки, разумеется. Наверное, кого-то другого достают. Или это затишье перед бурей?»

А Федор, загибая пальцы, рассказывал, как «дал по морде мусору».

«Сидел бы ты сейчас здесь! Тебя бы так обработали, что ты неделю кровью мочился бы. Геракл, блин!»

Васька таких людей терпеть не мог. Храбрость из них так и прет, а как до дела, забьются в дальний угол – и молчок.

Устал он от пьянок, разборок после пьянок да случайного секса после тех же пьянок. А в последнюю неделю еще и эти «гости»... Кто его знает, может, и впрямь допился? Галлюцинации просто доконали.

Василий снова наполнил рюмки и протянул одну Федору. Тот крепко обхватил ее рукой и засмеялся чему-то, только ему одному известному. Вася улыбнулся в ответ и поднял свою. И тут появилась она. Голая старуха. Просто вышла из стены и села в кресло напротив Васи. Туда, где десять минут назад сидела Жанна. Она улыбнулась ему, как старому знакомому, и широко раздвинула ноги.

Вася уставился старухе в промежность.

– Эй, клоун! – раздался требовательный Юлькин голос, и она дернула его за руку. – Нам нальешь?

Василий вздрогнул и словно бы очнулся, увидев, что на месте старухи сидит Жанна.

– Да-да. Сейчас, – торопливо буркнул он.

– Да-да. Сейчас, – передразнила его Юлька, а Федя и Жанна засмеялись.

Вася взял бутылку и разлил всем по рюмкам. Но старуха не выходила у него из головы. Он поднял свою рюмку, залпом осушил ее и посмотрел на дверь. В проеме стоял мужчина. Половина лица у трупа – а то, что это труп, у Василия не было никаких сомнений – отсутствовала. Мертвец подмигнул парню единственным глазом.

«Что ж вы все мне сегодня подмигиваете?» – привстал с дивана Вася, понимая, что призраки пришли за ним.

– Эй, шальной! Чего подскочил? – У Жанны округлились глаза. Она проследила за взглядом Василия и тоже вскочила. На мгновение ей показалось, что в дверях стоит ее мертвый отчим со сплюсненной башкой. Она мотнула головой, и видение исчезло.

– Вот придурки! Скачут как угорелые. Садитесь, выпьем лучше, – сказал Федор и взял со стола бутылку.

Если для Жанны видение закончилось приветом от отчима, то для Василия они, эти видения, набирали новый оборот. К одноглазому присоединился другой, с перерезанным горлом. Из стены вышел мальчишка лет четырнадцати с петлей на шее. На синюшном лице появилась ухмылка.

Вася понимал, что его собутыльники не видят «гостей», но все-таки заорал:

– Что, твари?! Моя очередь?

– О-о-о, Сириусу не наливать!

Вася повернул голову в сторону Юли. Мертвецы были везде, но за Юлей стоял самый страшный. Лицо опухшее, а через весь лоб и левую щеку проходил глубокий рубец. Он тоже улыбался.

Призраки подходили к нему со всех сторон. Вася вцепился в столик, приподнял его и со всей силой швырнул в стену. Федор едва успел подхватить со стола вторую бутылку водки.

Хозяйка квартиры и Жанна испуганно смотрели на Василия. Один только Федор выглядел довольным собственной ловкостью и с улыбкой поглядывал на спасенную бутылку.

Вася уже не соображал, что делает. Он начал метаться по комнате, размахивая руками, потом выбежал в коридор, перевернул вешалку, залетел в туалет и там затих.

Сидя на унитазе и глядя на дверь, Вася понимал, чем вся эта беготня закончится. Ведь именно к этому они его и готовили. Всю эту проклятую неделю.

Он знал, что это конец.

Сквозь дверь просунулась морда твари с глубоким рубцом поперек лба и щеки. Мертвец пробежался взглядом по Василию, усмехнулся и исчез. Васю трясло, он пытался чуть ли не вжаться в стену. Из комнаты слышались голоса женщин и Федора. Перебивая друг друга, они о чем-то спорили.

На том месте, где минуту назад была голова мертвеца, появилось другое, не менее устрашающее лицо. Призрак снял со своей шеи петлю и протянул ее Василию. После некоторого раздумья тот взял веревку. Мертвец удовлетворенно кивнул и скрылся за дверью.

Вася встал, осмотрелся, словно примеряясь, поднял руку с петлей и тут увидел, что держит в руках собственный ремень.

«А какая, к хренам, разница? Все одно!»

Он затянул один конец ремня на вентиле под потолком и надел петлю на шею. В дверь постучали. Слегка.

– Васька, открывай! – потребовала Юля.

Потом раздались сильные удары.

«Шпингалет не выдержит, – подумал Василий. – Все одно!» И начал медленно оседать. Странно, но боли он почти не чувствовал. Водка – хорошее обезболивающее. В глазах еще больше потемнело, и, перед тем как полностью отключиться, Вася услышал на фоне истерического крика Жанны голос Юльки:

– Вот сука! Не мог в другом месте повеситься!

Все одно!

Закончив писать, Дима отбросил ручку. Пробежал глазами по своему творению, аккуратно сложил листок и засунул в карман. Мама все поймет. Ему хотелось, чтобы она поняла его.

Как все поменялось за последнюю неделю! Кто бы мог подумать!

Он открыл ящик стола, достал бутылку водки и пошарил глазами по заваленному мусором столу в поисках какой-нибудь посуды. Под настольной лампой валялся мятый разовый стаканчик. Димка трясущимися руками полез за ним. Стакан ни в какую не хотел лезть в руки и, крутанувшись, упал за стол. Чертыхнувшись, Дима открыл бутылку и выпил из горла. Водка мгновенно обожгла все внутренности. Он зажмурился. А когда открыл глаза, на стуле справа от него сидел мертвец.

– Ну что, суки, не дождетесь никак? – ухмыльнулся Дима.

Мертвец сидел, склонив голову и к чему-то прислушиваясь. Бесцветные глаза смотрели прямо на Диму.

Парень глотнул еще водки, поставил бутылку и развалился на стуле.

– А чей-то ты сегодня один?

Мертвец молчал. Только склонил голову еще ниже. Воротник грязной сорочки открыл черный рубец на шее.

– Я спросил, ты че один, придурок?! – не выдержав, заорал Дима.

Вдруг воздух в комнате зашевелился, и отовсюду – из стен, из потолка – начали появляться призраки изуродованных людей, погибших насильственной смертью. Скоро в комнате их стало не меньше двух десятков. Кто в одежде, кто без. Все разные, но одинаково страшные.

За неделю Димка привык к появлению пришельцев с того света, но стольких одновременно видел впервые.

Он встал и посмотрел на свои трясущиеся руки. Твари плотной стеной окружили его. Димка в ужасе перекрестился. Это, конечно, не помогло, но на душе стало как-то спокойнее.

«Как я мог оказаться в такой заднице?»

Три года назад он попал в такую ситуацию, что казалось, выберись из нее, страшнее в жизни ничего с ним не произойдет. Ан нет! Беда долго не ждет!

Тогда они сидели, выпивали и к утру уснули. Вот и все, что мог вспомнить Дмитрий. А когда он проснулся на двуспальной кровати, рядом с ним лежал труп. Кто и за что, как говорится, предстояло выяснить следствию. Вот они и выяснили. Как в детской считалке: «На златом крыльце сидели...» На кого попадет. В общем, дело ясное. Следователь так и сказал:

– А вы посчитайтесь, кто из вас, выживших, убийца, а то мы можем и всех закрыть. А ты, – он показал на Димку, – больше всех здесь орешь, за «паровоза» пойдешь. Вот и пораскиньте мозгами: либо один лет семь отсидит, либо каждый из вас по десятке схлопочет. И это в лучшем случае. Решайте.

Если у следователя уже было все решено, то у Димки и двух его приятелей без посторонней помощи ничего не решалось, не состыковывалось. Вот и наняли они адвоката из столицы. Мать все золото и аппаратуру продала.

Адвокат нашел настоящего убийцу и облегчил жизнь и кошельки бывшим обвиняемым.

Все! Все! Димка решил бросить пить и думал, что хуже, чем было, никогда не будет. Но пить так и не бросил, а вследствие этого и новые неприятности не заставили себя долго ждать.

Он отхлебнул из бутылки и отрыгнул. К нему подошел мертвец с одним глазом.

– Может, выпьешь? – Дима протянул бутылку одноглазому.

Несмотря на браваду, с какой он произносил слова, Димка явно трусил.

Когда боишься следователя, грозящего тебя засадить, – это одно, но когда тебе угрожают люди с «ранениями, не совместимыми с жизнью» (мягко говоря), – это абсолютно другое. И только выпив, становилось легче. Нет, даже не выпив – напившись до такой степени, что граница между реальностью и ирреальностью стирается и открывшийся мир воспринимается как должный. С некоторым страхом, но как должный.

– Дима, что там у тебя происходит? – услышал Димка за дверью материн голос. – Опять друзей навел, паразит?

Когда дверь открылась, Дима стоял один у письменного стола. Мать вошла в комнату и осмотрелась, даже за дверь заглянула.

– Ты что, один?

– Нет. Они еще здесь, – серьезно ответил Дима.

Женщина посмотрела за спину сына – на стол.

– Опять напился?! Когда ж вы обожретесь?! Когда ж вы подохнете все?! Алкаши херовы! – Она быстро (очень быстро для своей комплекции) развернулась и вышла.

– Скоро, мама. Очень скоро, – прошептал ей вслед Димка, сел, взял со стола бутылку и сделал большой глоток.

Влажными от слез глазами он посмотрел на стену, на потолок, на дверь – никого. Но Дима знал: они вернутся, и ему придется уйти с ними. Придется...

Вдруг за его спиной покрывало на кровати начало медленно подниматься к потолку, будто под ним кто-то был. И этот кто-то пытался встать, выпрямиться в полный рост.

– Пора? – не оборачиваясь, равнодушно спросил Дима, подняв бутылку и глядя на окно сквозь желтоватое стекло сосуда. Затем снова приложился к горлышку и допил остатки.

Когда он опустил бутылку, перед ним сидел тот же покойник с рубцом на шее. Мутные, закрытые катарактой глаза смотрели на Димку. Потрескавшиеся губы растянулись в улыбке.

– Суки! – прошипел парень. – Почему вы не оставите меня в покое? Почему?! – Он вскочил и со всего размаху кинул бутылку в «гостя». Сосуд проскочил сквозь мертвеца и, ударившись о стену, разлетелся на куски.

– Перестань, паршивец! – крикнула из коридора мать. – Сейчас милицию вызову!

– Не думаю, что они нам помогут...

Мертвец встал и показал в сторону балкона. Дверь, скрипнув, открылась. Дима ждал, что будет дальше.

А дальше...

...Мать попыталась войти в комнату, но, как только вступила на порог, сильный удар в грудь выкинул ее из спальни сына. Дверь громко захлопнулась. Женщина отползла к противоположной стене и прижалась к ней. Она не успела увидеть, с кем ругался ее мальчик.

Мертвецы продолжали заполнять спальню.

Дима смотрел на штору, колышущуюся от ветра, и ему вдруг стало как-то душно. Хотелось выйти на свежий воздух. На балкон. Но Дима знал, что, выйдя туда, он никогда больше не увидит мать. Хотелось ли такого конца? Нет, не хотелось! Но и выхода другого не было.

Дима шагнул к балкону. Мертвец, открывший дверь, улыбался. Дальше все произошло очень быстро. Дима подошел к бельевым веревкам, натянутым вдоль балкона, дернул за один конец – веревка не поддалась. Начал развязывать узел, но он только еще туже затягивался. Дима дернул посильнее, порезав себе руки, и веревка с треском лопнула.

Что-то совсем негодные веревки. А что, если и другой конец вот так же запросто?

Где-то за шумом голосов Дима услышал голос матери:

– Дима, Димочка, мальчик мой! Что происходит? Кто там с тобой? Сынок, открой!

– Слишком поздно, мама!

Дима сделал петлю и надел себе на шею, ни разу не повернувшись назад. Он знал – твари стоят и наблюдают.

– Скоро, очень скоро...

За спиной раздался громкий стук.

Когда дверь ударилась о стену и в комнату влетели мама и сосед дядя Сережа, Димка шагнул с балкона.

Веревка выдержала.

Глава 1

Генка вышел из магазина, огляделся и направился к парку. Миновав улицу Маршала Жукова, вошел в тенистую аллею, остановился, подумал и свернул с дорожки в глубь парка. Несмотря на раннее утро, в парке в любой момент могли появиться люди, страждущие получить свою дозу алкоголя. Сюда приходили кто со своим, как Геннадий, а кто и поживиться за чужой счет, но уходили все если не счастливыми, то пьяными наверняка. И все это, несмотря на появлявшийся здесь с какой-то своей, известной только ему периодичностью патруль ДПС.

Генка вышел на небольшую поляну, огляделся и достал из кармана четвертинку. Небольшая бутылочка аккуратно легла в мозолистую руку. Он хотел выпить, пока не налетела орда вчерашних... да что тут скрывать, и позавчерашних собутыльников. Чего-чего, а дефицита компании в парке не наблюдалось. Гена жил здесь с самого основания района и наблюдал воочию «разбухание какашки в проруби», как выразился как-то Генкин сосед. Умнейший человек, поэт, а туда же: «какашка в проруби». Тьфу ты! Это он про их родной город. Сначала, в шестидесятые годы, здесь возвели два завода, а уже потом оба предприятия начали обрастать городом.

Иногда Гена задумывался насчет «какашки». Возможно, поэт и прав. Взять хотя бы Дмитрича. Говно говном. Лежит, сука, в их подъезде и воняет. Генка еще ни разу не прошел мимо без каких-либо реплик. А то и пинка даст. Ну не уважал он «чертей». Порой даже подумывал выйти среди ночи и садануть этому отбросу по башке топором. Кто будет искать убийцу бомжа? А ведь когда-то Генка выпивал с Дмитричем. Тогда он говном не был, имел нормальное имя, приличную одежду, жилье и жену. Пока Генка в очередной раз мотал срок, что-то произошло с Анатолием Дмитриевичем. Что-то поломалось в его счастливой жизни. Когда Гена вернулся, бывший собутыльник в неприглядном виде обитал под лестницей. Да и черт с ним! Каждому свое.

Гена еще раз посмотрел по сторонам. Оглядел каждый куст, каждое дерево вокруг себя в поисках стаканчика. Мусора – хоть «КамАЗ» с прицепом подгоняй, а стаканчика ни одного. Засрали парк. Если на центральной аллее еще чисто, то тут, где ежедневные сборища, человек, как и всякое органическое существо, оставляет после себя отходы. И с каждым днем их становится все больше и больше. Насчет уборки и говорить не приходится. Люди, собирающиеся здесь, собственную задницу вымыть забывают, а мусор... Геннадий фыркнул и открыл бутылку.

Ладно, можно и без стакана обойтись.

Выдохнув, он поднес бутылку к губам и замер. Губы шевельнулись в безмолвных проклятиях. Переложив чекушку в левую руку, задумался. Перекрестился (вот так вроде и по-человечески) и в четыре глотка осушил бутылочку. Глаза наполнились слезами. Отбросив бутылку в кучу мусора, Гена подошел к дереву, оторвал лист и кинул в рот. Начал жевать. Зеленая кашка потекла из уголка рта. Он причмокнул, облизнулся и пошел в сторону реки.

Через десять минут к парку потянулась первая смена алкоголиков. На лицах читались усталость и безразличие к занимающемуся дню, к нестабильному положению на Востоке и вообще ко всему, что может разрешиться без них. Кто-то уже выпил свою чекушку, а кто-то прихватил с собой. Новый день нес новое испытание – испытание для печени и для общего здоровья. Работники РТИ (по крайней мере мужская часть) ежедневно доказывали, что все-таки какая-то цикличность в природе существует, а именно, цикл из трех составляющих: опохмелился – напился – забылся (в простонародье называемый запоем) имел место у большинства заводчан. А ведь еще и работают! Но этот парадокс можно оставить для изучения специалистам в области паранормальных явлений.

Новый день не нес ничего. Он просто начался.

Гена уже спустился к водоему, когда ударился обо что-то головой. Он осмотрел предмет, расположившийся прямо перед его гудящим лбом, но слезящиеся глаза мешали рассмотреть его в полной мере. Гена вытер их рукавом и всмотрелся повнимательнее. Жмурик?! Затем медленно отошел назад, чтобы разглядеть тело целиком. Точно, жмур. Чертова молодежь! А кто еще, если не они?

Он начал судорожно вспоминать вчерашний день. Надо же, пили вот здесь, прямо под жопой мертвеца. Тьфу ты!

Генку замутило, и он, едва сдерживая содержимое желудка, прислонился к дереву. Надо же так повезти! Уже третий за месяц! На одного даже наступил, когда ходил отлить. Хмель, окутывавший его разум, мгновенно улетучился.

«Ну вот где этот патруль ДПС?! Черт, черт! На хрена мне эта карусель! Тут за свои дела нет охоты чалиться, а за чужого жмура срок тянуть вообще не резон».

От выпитого даже вкуса не осталось. Обогнув кусты, Генка потрусил к выходу из парка. У главной аллеи огляделся. Люди выгуливали собак, две молоденькие мамочки сидели на скамейке с колясками, чуть поодаль, на полянке – там, где Генка полчаса назад выпил чекушку, собирались братья по разуму. Он было уже рванул к ним, но тут же передумал: если сейчас начнут шерстить, этим тоже достанется.

«Нет, домой!»

На углу Гагарина и Королева Генка купил бутылку водки и дворами побрел домой. Войдя в подъезд, сплюнул: Дмитрич сидел под лестницей в коробке от телевизора, смятой с одной стороны для удобства. Не сказав ни слова, Генка поднялся к себе на пятый этаж. Сегодня все шло не так, даже бомж под лестницей остался без пинка. В глубине души Генка осознавал, что отличает его от Дмитрича только материал, из которого сделаны окружающие стены.

* * *

На лавке перед подъездом сидели две старушки – одна в красном берете, а другая в цветастом платке – и что-то громко обсуждали. Увидев Генку, тут же замолчали. Дождавшись, когда он войдет в подъезд, бабуля в красном берете шепотом спросила:

– Это не Генка случаем?

– Он, паразит, – закивала вторая и зачихнула седую прядь под платок.

– Петровна, давно он из тюрьмы-то? – уже громче спросила «Красная Шапочка».

– А кто его знает?

– Ага. Главное, что ненадолго.

Возникла небольшая пауза – старушки будто взвешивали слова, прежде чем что-то сказать.

– Туда ему и дорога, – прошептала Петровна, ласково похлопав собеседницу по колену.

– Да, – согласилась «Красная Шапочка». – А ты слыхала, что надясь произошло?

– Нет, – ответила Петровна, явно обрадовавшись новому витку в разговоре.

– Васька у Юльки-ментовки в туалете повесился.

– Это не тот, что из тридцать шестого?

– Да что ты! Бог с тобой, Петровна, то ж Сережка! Васька – здоровый такой. Как напьется, все драться лезет.

– А, этот! Туда ему и дорога. – Петровна вспомнила хамоватого парня. А еще она вспомнила, как Васька помог ей кота с дерева снять, да и сумки не раз до квартиры доносил. То, что парень «алкаш проклятый», перевесило все его добрые дела, и Петровна добавила: – У всех у них один конец, у вырождков этих.

– У каких вырождков? – не поняла «Красная Шапочка».

– У алкашей проклятых, – объяснила Петровна и коснулась рукой платка.

– Ага. Развели тут. При коммунистах такого не было, – согласно закивала Сергеевна.
– Здрасте, приехали. И тогда пили, и сейчас пьют. Свинья болото везде найдет.
– И то верно. – Сергеевна решила прекратить бесполезный спор. – А слыхала, на набережной мальчишку убили?
– Нет. – На лице Петровны появился неподдельный интерес.
– Дня три уж назад. Бутылкой по голове ударили.
– Че пьют, от того и мрут, – хохотнула Петровна, уж очень ей понравилась собственная фраза. Она повторила ее еще раз, но уже с серьезным выражением лица. Ни дать ни взять Аристотель. – Наркоманы, наверное. – У нее была своя версия происходящего.
– Ну почему сразу наркоманы? Мальчишка хороший был. К нему хулиганы пристали.
– Все одно наркоманы. Наркоманы или алкаши, – стояла на своем Петровна. – Если не он, так те.

Сергеевна кивнула. Она не то чтобы была не согласна с подругой, даже наоборот, но еще со школьной скамьи помнила: в споре рождается истина. Пусть на лавочке у подъезда не самого образцового дома, да и роды тяжелые, но все-таки рождается.

– Сергеевна, а ты слыхала, в 29/2 дверь подъезда подожгли?
– А что тут слыхать? Своими глазами видела. Хорошо пылало...
– Мать! Ма-а-ать! – раздался откуда-то сверху мужской голос.
Сергеевна затравленно посмотрела на дверь подъезда.
– Твой, что ли, очнулся? – ехидно спросила Петровна.
– Я же ему...
– Где тебя носит, старая б...дь? Ты же знаешь, у меня трубы горят! – захлебывался голос.
– Ты же говорила, что он закодировался, – добивала подругу Петровна.
– Я здесь, сынок! Иду, Сашенька, – как можно нежнее прочирикала «Красная Шапочка», взяла пакет – бутылка предательски звякнула об урну – и пошла к подъезду.
– Ты ему еще соску на нее надень, – крикнула ей вслед Петровна.

Дмитрич дернулся, зашелестел коробкой и открыл глаза. Он проснулся от рева этого полоумного. Не то Славка, не то Сашка – никак не мог запомнить. Единственный, кого он хорошо помнил, – так это Генка. Тот не давал о себе забыть.

Анатолий Дмитриевич встал и, пошатываясь, пошел к выходу из подъезда. Пригнулся и украдкой выглянул наружу. Еще одним опаснейшим врагом бомжа были подростки. Никого не увидев, Дмитрич вышел из дома.

Он направлялся к парку. Наравне с подростками и людьми, подобными Генке, там, на берегу реки, можно встретить и таких же, как Дмитрич, бывших рабочих, бухгалтеров и учителей. Когда-то, давным-давно, Анатолий Дмитриевич был учителем физики в восемнадцатой школе, а теперь он каждый день сам себе доказывал закон всемирного тяготения. Между любыми двумя материальными частицами действует сила притяжения... Так оно и было. Всегда. С утра его тянуло выпить, а после выпитого – к земле. Изо дня в день.

Водка еще никого не сделала лучше, наоборот, она людей превращала в животных, а учителей физики – в бомжей. Эти мысли пока еще приходили в его голову, но только пока. Через некоторое время мысли уйдут за ненадобностью, а вместе с ними и осмысление морального значения собственных деяний, то есть совесть.

Пока же бывший учитель, едва волоча ноги, шел к Парку культуры и отдыха.

Дом двадцать девять дробь два по улице Королева жил своей жизнью.

Генка, сидя за столом перед початой бутылкой водки, судорожно соображал, откуда взялся висельник именно там, где они вчера проводили досуг. После третьей рюмки ему вдруг стало интересно, какого пола жмурик, а после пятой он плюнул на все и решил, что, как только допьет бутылку, пойдет в парк к корешам.

Сергеевна, закрывшись в комнате, плакала навзрыд. Не себя ей было жалко – избитая собственным сыном, она жалела его, обормота. А Сашка тем временем на кухне поправлял здоровье.

Петровна, как только услышала, что на углу Гагарина и Королева загорелся грузовик, посеменила к месту события. Она редко пропускала такие зрелища. Зато вечером будет о чем рассказать.

Под лестницей, в коробке из-под телевизора, было пусто. Только дух Дмитрича – запах мочи, пота и перегара – не хотел уходить.

Иван Щеглов вышел на работу в приподнятом настроении. Месяц отпуска – это слишком. Если б он провел его в обществе загорелых блондинок на каком-нибудь курорте – ночные клубы, дискотеки, пляжи и все такое, – тогда, конечно же, его родной завод был бы последним в списке «Куда я хочу попасть». Но так как отпуск прошел в обществе коров и свиней, Ваня с радостью пролетел через когда-то ненавистную проходную и направился напрямик к цеху.

Запах резины и гул двигателей станков наполняли цех. Иван подошел к дверям с нарисованным черепом, пронзенным молнией, и дернул за ручку. Сашка Котов сидел на диване и смотрел телевизор. Эдик Жиров колдовал с навесным замком на металлическом шкафчике для инструментов.

– Ну что, братцы? Не ждали?

– А, Ванюха. – Эдик повернул голову к двери, а потом снова взялся за замок.

Ваня подошел, поздоровался с Сашей и, наклонившись к Эдику, спросил:

– Что, что-то потерял?

– Да дал, блин, этому говнюку... – Эдик вдруг осекся. – Черт! Вот, блин! О покойниках же так не говорят. Пассатижи дал ему на прошлой смене. А теперь вот, – он ударил по дверце шкафа, – добывай их оттуда.

– Что ты сказал?

– Я говорю: дал Мишке пассатижи, а он их в шкаф кинул...

– Что с Мишкой?

– Повесился.

Иван подошел к дивану, посмотрел на Сашку и сел рядом. Как-то не вязалось услышанное с постоянно веселым и жизнерадостным Мишкой.

– Свили, значит, веревку, – только и смог сказать он.

– Ты что, перегрелся, что ли, там, на покосе? – Котов потрогал лоб друга.

– Как это случилось? – спросил Иван, отмахнувшись от Саши.

– А как, по-твоему, вешаются? За башку и на дерево.

– Ну да. Но должны же быть какие-то причины? – Иван вопросительно посмотрел на Эдика.

– Причина всему одна, – произнес Эдик, щелкнув себе по кадыку. – Запил он. Последнюю неделю на работу не выходил. Пил. Три дня назад любитель утренних пробежек нашел его повесившимся на одной из берез в парке.

Эдик подошел к Ивану и присел рядом. Мужчины молчали. Иван залез в карман джинсовой куртки, достал связку ключей и протянул Эдику.

– На. Один из них точно подойдет.

Немного повозившись со связкой, Эдик нашел нужный ключ и открыл дверцу шкафчика. Пассатижи лежали на пластиковой коробке для диска. Эдик подхватил инструмент, достал диск.

– А это что, тоже твое? – спросил Иван.

– Нет, – как-то уж очень быстро ответил Эдик. – Что-то он без названия.

– А давайте мне. Я вечером под пиво и разгляжу название. – Сашка потянулся и встал. – Нет, правда, Ванюх, я возьму?

– Хорошо. Только принеси обратно. Мало ли, вдруг хозяин найдется.

Сашка вышел. Иван посмотрел на Эдика и спросил:

– Так что тут на самом деле произошло?

Эдик как-то встрепнулся и нахохлился, словно воробей.

– А я почему знаю?

– Ты чего нервничаешь?

– Я взял его и повесил! Да?! – заорал Эдик.

– Нервные клетки, Эдуард, не восстанавливаются, – спокойно сказал Иван. – К тому же никто тебе и не говорит, что ты в чем-то виноват. Я только спросил: знаешь ли ты что-нибудь?

Эдик сел на кушетку, откинул голову назад и закрыл глаза. Иван подумал, что он уснул, но Эдик вдруг заговорил:

– Извини. Вчера жена звонила и сказала, что уезжает в Москву к сестре. Теперь все...

– Что все? При чем тут жена? Она же от тебя полгода назад ушла.

– Год. Когда с Сережкой случилось... Ты же помнишь – я запил тогда. Вот она и ушла. Из-за пьянки, а может... Понимаешь, не стало той ниточки, связующего звена между нами. Сережки не стало. А теперь она уезжает...

– Ну и что? – Иван не мог понять, к чему он клонит.

– Мы с ней созванивались. Ну, там, как дела-здоровье. А теперь все. Ее тоже не станет.

– Что-то я не пойму. В Москве телефонов нет?

– Да конечно. Понимаешь, Ваня, когда человек живет с тобой в одном городе – это одно. Ты можешь его не видеть годами, но знаешь, что он здесь, рядом... – Эдик замолчал. Иван понял, что он хотел сказать и каково ему сейчас. – У нее нет сестры в Москве, – снова начал Эдик. – Она решила покончить со мной. Вот я и завелся. – Он сделал паузу и повернулся к Ивану. – Да, парня жалко, конечно. Это все водка проклятая... Тут до него еще один себе вены вскрыл осколком стекла. Филька Силин, слышал? Эпидемия, блин.

– Это как-то связано со смертью Мишки?

– Не думаю. Хотя, пожалуй, один момент эти смерти связывает. – И Эдик снова щелкнул себе по кадыку.

– Что, они вместе пили?

– Да нет же. Я говорю: их связывает только то, что им соски на бутылки с водкой надень да только успевай менять.

– Ну, если так, то две трети заводчан уже бы покончили с собой. Из-за пристрастия к алкоголю люди не вешаются!

Эдик усмехнулся.

– Из-за этого пристрастия, как ты говоришь, можно натворить такого, что наутро в самую пору вешаться. По себе знаю.

– Ну... – только и нашелся Иван.

– Вот тебе и ну. У меня у самого сейчас на душе такое, что хорошая веревка и кусок мыла были бы весьма кстати. Хотя, заметь, не пью уже восемь месяцев.

– Ты это брось...

Ивану совсем не понравились Эдикины откровения. Еще не так давно этот лысеющий ссутулившийся человек мог забежать в каптерку электриков и, перекрикивая гул станков, что-то весело рассказывать о том, как он вчера «У Захара» начистил морды троим здоровенным бугаям. А сейчас Иван видел перед собой слабого, хныкающего мужчину, который не только никому не начистит «моську», но и... Да у него теперь любой тринадцатилетний подросток может отобрать зарплату.

Иван отвел взгляд от этого жалкого зрелища. И не потому, что ему было противно, нет. Жаль, конечно, Эдика. Как быстро ломается человек: раз – и все!словно прутик в сильных руках.

– Хорош тебе тучи нагонять, – выдавил он из себя.

– Да я и не нагоняю. Они сами сгущаются. Мишка же закодированный был. Сорвался. Помнишь, мы с ним в роще сидели? День рождения у него тогда был. После этого по чуть-чуть – и вот он, результат-то.

– Да что ты заладил! Ну, не могу я понять, что может в башке твориться, чтобы такое над собой сделать. Не знаю. Может, я очень люблю себя, но повеситься... Нет, себя я убить не смогу. Тем более водка здесь ни при чем.

– Как знать. Может, и ни при чем, но пить надо бросать. Я вот не пью и ни о чем не жалею. – Эдик достал из кармана сложенную пополам карточку и передал ее Ивану.

Иван посмотрел на изображение – рисунок в духе антиалкогольных открыток советской эпохи: сильный мужчина в рабочем комбинезоне сдавливал голову зеленого змия, а на груди пролетария было написано: alcogolu.net. Похоже на адрес веб-страницы. На теле змеи тоже надпись: «Алкоголь». А внизу открытки подпись: «Бросаем пить вместе».

– Ты что это, Эдик, себе жизнь испортил и других тянешь за собой, – сказал Иван, немного повысив голос. – Ты на себя посмотри. У тебя усы даже обвисли, как... – Иван хотел сказать, как уши спаниеля, но подумал, что этот выпад не совсем сейчас уместен, и, не договорив, вышел в гудящий цех.

«Хорошо, хоть я сейчас трезвый, а то наговорил бы мужику. А он ни в чем не виноват. Не виноват!»

Он направился к комнате мастеров и заглянул в окошко – в помещении было пусто. Проходя между станками, Иван понял, что здесь в основном работают новички. Многое за месяц изменилось. Измениться оно, конечно, изменилось... Да ни черта не изменилось. Все было как всегда.

Парни так же напивались. И их так же прощали первые раз двадцать. На двадцать первый мастер доставал из стола заявление об увольнении по собственному желанию без числа, написанное после первого же распития на рабочем месте. Он аккуратно выводил число, так как работник уже не мог держать авторучку. И все. На следующий день у станка – новый парнишка. Благоразумный. Пока трезвый. Может, дня три продержится. Атмосфера здесь такая. И не только в этом цехе, вообще по всему заводу.

А чего руководство ждало, когда они сами ввели торговлю спиртным на территории завода? Даже не торговлю, а обмен на взаимовыгодных условиях. Мужики, будто на водопой, неслись в заводскую лавку, где среди изделий родного предприятия стояли бутылки с живой влагой по цене раза в два выше, чем за проходной. Но здесь можно под запись. Чиркнул в бумажке – и ни о чем не думаешь до восьмого числа следующего месяца. До дня зарплаты.

Иван подошел к слесарке. Несмотря на гул в цехе, он услышал голоса за дверью, а когда вошел в задымленное помещение, голоса смолкли. Но поняв, кто перед ними, Серега Пупков, коренастый рыжий мужчина, сказал:

– Доставай. Это же Ванюха – электрик.

– Здорово, мужики!

За столом, покрытым изрезанным куском линолеума, сидели трое: Серега Пупок, Славка Вишневский и Семен Данилович. Данилыча Иван знал давно, а вот фамилию его никак не мог выучить. Не то Циммерман, не то Цукерман – это сейчас не важно. Главное, что, когда присутствующие начнут склонять фамилию Данилыча, а тот будет с пеной у рта доказывать свою принадлежность к старинному княжескому роду, все – надо заканчивать и расходиться по домам, иначе этот князь неизвестных кровей мог здоровым кулачищем и в лицо ткнуть.

– А, Ванюша, – пробасил Данилыч. – Что ты там встал, как неродной? Заходи, присаживайся.

Иван прошел к столу и сел рядом с Пупком.

– Будешь? – Славка распахнул куртку робы и достал почти полную бутылку.

– Да что-то неохота...

– Ты что там, Эдика наслушался? – возмутился Серега.

– Дюже правильный он у вас, – заметил Славка.

– Не был он таким. – Данилыч затушил сигарету, потянулся к шкафчику, извлек граненый стакан и поставил его перед Славкой. – Не был. А ты, Ванюш, не слушай никого. Хочешь – пей, хочешь – нет. Ты должен почувствовать...

– Ага. Я вот, к примеру, чувствую, когда все – хватит. И говорю себе: все, Слава, довольно. – Славка налил в стакан водки.

– Что ты там чувствуешь? Мордой в асфальт воткнешься и то ни хрена не чувствуешь, – с улыбкой проговорил Данилыч.

– Мужики, а про Мишку вы ничего не слышали? – тихо спросил Иван.

– Бухнули мы с ним немножко за неделю, может, до того, как он вздернулся, – закуривая, ответил Пупок.

Иван не выдержал и отпил из предложенного стакана, потом взял у Сереги сигарету и затянулся.

– И что?

– Да ничего. Чушь какую-то нес. – Сергей поднял стакан и тоже выпил.

– Какую чушь? – Иван вдруг вспомнил свой разговор с Мишкой месяца два назад.

Отпросился у него тогда Мишка Савельев. Отпросился, так ничего и не объяснив... Тогда он ничего не хотел говорить. Так, сказал, мол, неприятности с прошлой работой. Непосвященным это могло показаться «какой-то чушью».

– Так какую чушь нес Мишка?

– Ну, он мне говорит: Серый, ты мертвецов видишь? Прикиньте?! Вижу ли я мертвецов? Ну, думаю, все, кранты Михе. Белая горячка.

– И что ты ответил?

– А что тут ответишь? Я сказал, что, мол, сегодня не встретил ни одного. А он посмотрел на меня и прошептал: вон же за тобой пацан без башки стоит. Я медленно повернулся и... Мужики, вы знаете, я на какой-то миг, в натуре, увидел пацана без головы... Он держал ее под мышкой. Ну, я сплюнул через левое плечо, и эта херь исчезла. Тогда я подумал, что Мишкина горячка или еще что – заразная. У меня до сих пор мурашки по коже, когда вспоминаю...

– Да зря ты, – вставил Славка Вишневыский. – Я вот как-то ночью просыпаюсь ни с того ни с сего. Лежу и смотрю в потолок. Вдруг слышу, кто-то громко урчит... ну, знаете, как кошка. Только это будто не кошка, а тигр лежит рядом. Я медленно повернулся – вроде бы все как всегда. Жинка лежала спиной ко мне, и урчание шло от нее. Я повернул ее к себе и... На меня смотрела морда кошки в парике из волос жены. «Ну что, – говорит она мне, – допился?» И рыкнет так, что я сразу проснулся.

Пупок рассмеялся, а Данилыч и Иван лишь сдержанно улыбнулись.

– Ну, и что дальше-то? – спросил Серега.

– Огляделся я. Лежу в кухне на полу. Я когда нажрюсь, жинка мне на кухне стелет. Мол, не хочет дышать перегаром, стерва!

– Ладно, давай по последней да пойдем по цеху пройдемся, – сказал Данилыч. – А Славка пока за пузырем сбегает.

– А что сразу Славка? Вон Пупок помоложе...

– Так, молча. Тебе пробздеться надо, а то тебя жена в кухне на ПМЖ пропишет.

Они по очереди выпили. Каждый по разочку затянулся сигаретой, и все дружно вышли в гудящий цех.

У каждого человека, как думал Иван, в жизни происходит что-то такое, что может дать старт льющемуся на него дерьму в последующие годы жизни. Человек может быть богатым и успешным, но какая-то случайность (наверняка не внезапная весть об объявившемся наследстве) может свести на нет радость от получения денег или стремительного продвижения по карьерной лестнице. Единственное, что эта самая нехорошая случайность происходит с людьми в разные периоды жизни. Нет, все правильно, неудачники копошатся в одном болоте, но попадают туда кто сразу после рождения, кто немного позже, а кто и вовсе под конец жизни. Одно неизменно: каждый хотя бы раз побывает в этом болоте.

Вот и Иван из болота так и не выбрался. Живет он там! И временем попадания туда вполне можно считать 17 июня 1980 года. Его день рождения в Салимовском родильном доме. Но, как понял позже Иван Щеглов, тогда он только одной пяткой попал в зловонное болото, окунуться же пришлось немного позже.

В 1988 году отец Ивана пропал без вести. Они поехали бригадой в Спитак на разбор завалов. Трое из них назад так и не вернулись. Иван сейчас даже и не помнил, расстроило ли его это происшествие. Происшествие. Именно так Ваня привык думать о том, что происходило с его отцом. Папа редко баловал маленького Ванюшу своим вниманием. Возвращаясь с очередного «разбора завалов», он вручал ему какую-нибудь безделушку и, потрепав сынулю за вихры, шел отдыхать. Отдых заключался в распитии спиртных напитков и проигрывании в карты тех денег, что он раздобыл. Деньги заканчивались, и отец снова находил какое-нибудь место на карте, где нужна его помощь. Поэтому героический папа всегда был первым в списках добровольцев. Сейчас Иван, конечно, догадывался, что без мародерства ни одна такая помощь не обходилась.

В 86-м отец попал в Чернобыль. Вот тогда-то авантюриста Щеглова ждало разочарование. Ваня подслушал его разговор с таким же «сердобольным» товарищем. Они сидели на кухне и выпивали. Мама была на работе, а Ванечка сидел в комнате и смотрел телевизор. Он и не хотел ничего подслушивать, но отец, распаленный спиртным и предстоящей авантюрой, говорил очень громко.

– Ты только прикинь, – разглагольствовал Щеглов-старший, – целый город, брошенный в спешке людьми. И я не думаю, что у многих нашлось храбрости, чтобы задержаться и собрать золотишко. По-моему, дружище, мы вернемся домой богачами.

Но этого не случилось – по одной простой причине. Привезли их не в город-призрак Припять, а непосредственно на саму АЭС, в блок 4. Домой отец приехал злой на весь мир и богаче разве что на еще одну болячку – ОЛБ.

Острая лучевая болезнь легкой степени появляется при однократном облучении. Эта самая ОЛБ выжала бы отца как лимон, а то и вовсе убила, но он решил не дожидаться такого конца и продолжал быть первым в списках добровольцев. Иван не знал, что это – жажда наживы или любовь к приключениям? Может быть, и то и другое.

Когда отец пропал, мать, выходя из административного корпуса, брала метлу и убирала территорию у проходной завода. Большинство из тех, кто знал маму Ивана, жалели ее. Но были и такие, кто смеялся: где это видано, чтобы бухгалтер по вечерам подрабатывала дворником? Женщина отшучивалась – мол, физический труд способствует нормальной работе мозга, а вечерами дома, отвернувшись к окну, тихо плакала.

После исчезновения отца финансовое положение семьи сильно пошатнулось, грозя вообще развалиться. За каждую поездку отцу платили очень приличные командировочные, ну и зарплата, конечно, шла. Все деньги перечислялись на сберегательную книжку мамы. Так

решил отец. Все-таки не на отдых ездит, мало ли что. Трофеи же он не показывал матери. Все пропивал и проигрывал в карты.

Много всякого придумывали о пропавшем отце. Кто с издевкой говорил, что он там с женщиной остался. Кто завистливо считал, что нашел много денег да и в бега подался. Была и третья версия, на взгляд Ивана, куда более правдоподобная: говорили, что пропавшие добровольцы нарвались на банду местных мародеров. Не поделили добычу. Иван верил в это.

Мама часто ворчала, что Иван такой же настырный, как отец. Он и внешне был копией отца. Рост метр девяносто, мускулистый (занятия боксом не прошли даром), черные волосы не слишком длинные, но и не короткие. В отличие от отца Иван не отращивал усов – не любил растительности на лице.

Иван был уверен, что отец никогда не побежал бы, поджав хвост, не важно, что или кто ему угрожал. И еще он усвоил для себя одну аксиому: лучше умереть, как лев, чем жить, как шакал. Но в городских джунглях на одного льва приходится десять шакалов...

Итак, что нужно делать, когда попадаешь в болото? Первое: как можно меньше лишних движений. Второе... Да к чертям! Оно же и первое, и второе, и двадцать второе. Но Ваня по малости лет начал копошиться, словно лягушонок в кринке с молоком. Любое резкое движение людей, любой косой взгляд в его сторону расценивались им как вызов. А болото все затягивало и затягивало.

Глава 2

Иван сидел за столом у себя в кабинете. Перед ним лежал оперативный журнал, в который записывались все работы, производимые дежурными электриками, открытый на последней записи, сделанной Михаилом. Страница была залита чернилами. А через три дня Мишка повесился.

Должна быть причина. Обязательно должна. И эта причина не алкоголь, как утверждают все, кто его знал. Истина где-то рядом, как говорится. Где-то рядом... Мишка что-то говорил о прошлой работе. Вот где собака зарыта! Он работал в каком-то банке. Точно. Это предприятие появилось в городе внезапно, пообещало большие проценты и, собрав необходимую сумму, исчезло. Ни дать ни взять филиал МММ. Мишка работал в этом банке не то электриком, не то разнорабочим. Могли Михаила вовлечь во что-то? Либо он просто узнал то, чего ему знать не следовало? О чем-то таком Мишка рассказывал, но Иван никак не мог вспомнить. Хотя сейчас это уже не важно. Но в то, что повесился он от белой горячки, верилось с трудом.

Иван захлопнул журнал и открыл ящик стола. Помедлив немного, вспомнил, что новый журнал уже отдал дежурным. Все, этот в архив. Он кинул журнал в стол, и тот вдруг обо что-то стукнулся. Ваня нагнулся, просунул руку в глубь стола и нащупал пластиковую коробку. Достал. Это был диск.

Теперь он вспомнил: неделю назад Сашка Котов вернул Мишкин диск. Сказал, что это фильм по рассказу «Эксперимент» Федора Слуцкого. Ваня читал все произведения Слуцкого и даже смотрел фильмы по некоторым из них, поэтому мог с уверенностью сказать, что экранизации такой не было. Да там и экранизировать-то нечего – средний рассказ страниц на двадцать. Он посмотрел на черный пластик и положил его во внутренний карман куртки. Вечером обязательно посмотрит.

Иван вышел из кабинета и закрыл дверь на ключ. Известие о Мишкиной смерти никак не выходило из головы. Вроде и не очень уж хорошо знал человека (работал себе и работал, выпивали вместе пару раз), а словно близкого человека потерял. Надо выпить, и все пройдет. С выпивкой сейчас вообще проблем никаких. Хочешь в обед, хочешь на завтрак. Это там, в деревне, не до того было. Напашешься за день так, что кусок хлеба в глотку не лезет, а уж тем более сто граммов. Деревенские ребята привыкли пить с утра до ночи, несмотря на усталость. Ваня же отказывался, да и не хотелось при деде. Он ведь воспитал его. Выпили, конечно, самогоночки с дедом и с соседом Колькой за приезд, потом за отъезд. А тут – уже неделю каждый день. Сегодня тоже Иван собирался с друзьями в кафе «У Захара».

Он спустился по лестнице и подошел к двери с черепом. В цеху было тихо, рабочие давно разошлись по домам. Остались только Михалыч – электрик и Надежда Константиновна – бывшая прессовщица, а теперь ночной сторож. Иван открыл дверь. Пенсионеры сидели на кушетке и смотрели телевизор.

– Константиновна! Половину цеха вынесут, пока ты здесь криминальную хронику смотришь.

– Типун тебе на язык, Ванюша. – Женщина всплеснула руками и побежала в цех.

Иван подошел к телевизору и убавил звук.

– Ну а ты, Михалыч, ничего странного не замечал за Мишкой? – обратился он к электрику.

– Ты же знаешь, Михаил после меня заступает. Потому как и что тут, мог только Эдик знать, его сменщик.

– На работу он в каком настроении приходил?

– Знамо дело в каком... – Михалыч осекся, но, решив, что уже ничем Мишке не навредишь, продолжил: – Он последние четыре месяца с бодуна приходил. А я не говорил тебе, потому что жалко парня. Думал, уволишь его.

– Михалыч, ты меня ни с кем не путаешь? – улыбнулся Иван. – Ладно. А он ничего не говорил? Мол, дружки бывшие беспокоят? Или что-нибудь в этом роде?

– Да нет, – задумался старик. – Ты знаешь, незадолго до... его смерти что-то такое припоминаю. В общем, он пришел тогда пораньше. Это, по-моему, было воскресенье. Точно воскресенье. С бутылкой пришел. Предложил мне. Я отказался – ты же знаешь, я не пью – и пошел душ принимать. Ну, вымылся и иду, значит, назад. Ах да, Константиновна тогда рано ушла и... в цехе никого. Я вот... иду, в общем, назад и слышу: Мишка на весь цех орет. А в цехе-то тихо, выходной ведь. Дверь в нашу каморку открыта, и Мишка там куражится. Ну, думаю, по телефону с кем ругается. Захожу, а он сидит у стола и в угол таращится. Я сразу на бутылку глянул – половину успел вылакать...

– Михалыч, а что он кричал, не помнишь? – перебил электрика Иван.

– Матюгался. Сильно матюгался. Типа: «Суки! Что, уже и здесь меня достали?»

– Так он по телефону разговаривал?

– Да хрен его знает, Вань! Телефон стоял в том углу, куда он таращился. Может, он бросил трубку и продолжал ругаться? С перепоем-то всякое бывает.

Иван услышал, как за спиной тихо открывается дверь, и тут же воображение нарисовало облик Мишки с посиневшим лицом, с обрывком веревки на шее и с вывалившимся из рта почерневшим языком. Иван медленно обернулся, и из его груди вырвался вздох облегчения. Перед ним, ласково улыбаясь, стояла Надежда Константиновна.

– Ванюш, может, ты уже пойдешь? Я дверь запру.

– Ладно. Не скучайте, молодежь. – Иван вышел из каморки, и она засеменила следом.

Когда сторожиха задвинула засов, Иван улыбнулся про себя: «Ха! Не пьет он! Это ты с Мишкой не пьешь, а с Константиновной...» – и пошел к проходной.

Выйдя через «вертушку» на улицу, он увидел Лешку, Макса и Сашку, сидевших на скамейке у проходной.

– Ну что, шеф, по сто пятьдесят и в школу не пойдём! – выкрикнул Макс.

Иван поздоровался с приятелями. Внимательно посмотрел на Сашку – лицо желтое, уголки рта опущены, и спросил:

– Сань, ты, случайно, не заболел?

– Ага. Есть такая болезнь – алкоголизм называется, – усмехнулся Саша.

– Ну а с нами-то хоть пойдешь? – повернулся к нему Макс.

– Пойду, если позовете.

– А-а. Ну, тогда пошли. – Макс обнял Сашку за плечи, и они направились через парк к пивной «У Захара». Лешка и Иван двинулись следом.

Ребята часто собирались в небольшом зале кафе под простым названием «У Захара». У стен, выложенных речным камнем, стояли деревянные лакированные столы на четверых. Что больше всего нравилось Ивану, так это небольшие выемки в стене над каждым столом с искусственным пейзажем и подсветкой. Будто смотришь в окно на миниатюрные горы, поля и реки. Там даже стояли маленькие фигурки животных.

По вечерам в зале всегда зажигали мягкий свет, создававший интимный полумрак, отчего пейзажи в стене казались особенно привлекательными. Но не только это притягивало парней. Самым привлекательным были дешевая выпивка и приятная музыка.

Мужчины устроились за первым столиком. С этого места просматривался весь зал, да и пейзаж в стене, по мнению Ивана, здесь был самый лучший. Из двенадцати столиков свободны были только два. Любили трудящиеся расслабиться после рабочего дня.

Они заказали бутылку водки, четыре бокала пива и четыре салата. Макс потирал руки в предвкушении счастья. Когда официант принес заказ, Лешка разлил водку по рюмкам, и парни быстро их разобрали.

– Ну вот, ребята, закончилась еще одна рабочая неделя.

– Ванюха, ты у себя на планерках будешь разглагольствовать, – перебил его Лешка. – Короче давай.

– Да ну вас, придурки! – Иван опрокинул рюмку и посмотрел на Сашку. Тот сидел, опустив голову. – Сань! У тебя все в порядке?

– Все в порядке, – ответил Саша и посмотрел на Ваню, но тому показалось, что Сашка смотрит куда-то мимо него, и от этого взгляда у Ивана мурашки побежали по коже. Ведь за ним никого не могло быть! У него за спиной возвышалась только стена, именно поэтому он и любил это место. Понимая абсурдность своих предположений, он обернулся, чтобы посмотреть, кого увидел Сашка.

Как и думал, за его спиной никого не было. Но взявшееся ниоткуда ощущение, что там кто-то стоит, не уходило.

– Сань, давай выпьем, – предложил Иван, чувствуя, как задрожали пальцы.

Все дружно выпили. Потом Макс рассказал какой-то анекдот с бородой и не совсем смешной, парни улыбнулись только из вежливости.

Ваня еще раз обернулся к каменной стенке, потом взглянул на Саню. Теперь тот отрешенно смотрел куда-то за барную стойку.

– Что, правда не смешно, что ли? – недовольно спросил Максим.

– Да смешно, Максимка, смешно. Наливай! Вот тогда и похохочем, – успокоил его Алексей.

Максим наполнил рюмки.

Сашка поднял свою стопку, посмотрел на нее, поставил на стол и проговорил:

– Пойду я...

– Пивка хоть попей, а то на тебе лица нет, – предложил Максим.

– Нет! – отрезал Саня. – Мне идти надо. – Быстро поднялся и пошел к выходу.

– Ну и дергай, нам больше достанется, – крикнул ему вслед Лешка. Сашка обернулся, печально посмотрел на друзей и молча вышел на улицу.

А Иван снова взглянул на стенку. Никого.

Иван захмелел. Разговор Лешки и Макса доходил до него словно издалека. Перед глазами стоял Саша с его потусторонним взглядом, а еще собственное ощущение чьего-то присутствия за спиной. Он снова машинально повернулся к стене, и его движение не ускользнуло от внимания Алексея.

– Что, Ванюх, белка? – серьезно спросил Лешка.

– И не одна, – отшутился Иван. – Самое забавное, что они выскакивают из дупла в твоей башке.

– Очень смешно. Давайте выпьем, а то во рту уже пересохло. – Леша взял бутылку и разлил по рюмкам. – Слышал я базар такой... Фильм ужасов какой-то по заводу ходит. О чем он, никто сказать не может, потому что, кто эту кассету посмотрит, непременно умирает.

«Вот у кого во рту не завоняется, – подумал Ваня. – Ни секунды не молчит». А вслух сказал:

– Что ты лапшуешь? Никакая это не кассета, а диск.

– Ну какая разница! – закричал Лешка. А потом взял Ивана за руку и прошептал: – Ты про Димку и Ваську слышал?

– Нет, – ответил Иван и икнул.

– Ну вот, – все так же шепотом проговорил Лешка. – Они работали в третьем цехе. И оба в среду вздернулись.

– Я что-то не пойму. Они что, из-за того, что в третьем цехе работали, повесились?

– Да нет же! Они фильм этот посмотрели!

– Ага, – согласился с приятелем Макс. – Говорят, что и Мишка ваш тоже видел это кино.

Диск! Ваня повернулся в поисках куртки. Она висела на спинке стула. Пошарил по карманам. Ничего. Наверное, оставил в столе. Да и черт с ним! В конце концов, еще ни один фильм не убил человека.

Сашка увидел людей из фильма. Один стоял прямо за спиной Ванюхи, двое других – слева от Макса, у столика, за которым сидели две женщины. Посетители не замечали мертвцов. Это Сашка понял, когда пьяный мужик прошел сквозь того, что стоял около Макса. Чтобы не закричать, Саня встал и ушел. Ему теперь никто не мог помочь. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Поэтому он шел к себе домой.

Всю дорогу до дома его сопровождали покойники. «Надо было все-таки выпить, – с сожалением подумал Сашка. – Хотя еще не поздно». Он подошел к павильону «Соки-воды». Купил бутылку водки и, тут же открыв ее, сделал три глотка прямо из горла. Теперь будет легче выносить эти рожи вблизи себя.

Он и на войне только водкой и спасался. Поначалу решил больше не пить, устав от водки, от пьяных рож. Передохнуть хотел... Или просто умереть. Не вышло.

И сейчас, подойдя в парке к лавке, освещаемой тусклым фонарем, Сашка понял, что все-таки там ему было легче. Он вспомнил слова из какого-то фильма: «На войне было просто. Вот мы, а вот враг. А здесь не поймешь, где свои, а где чужие». В Чечне шла война, но все было не так, как выходило из слов героя фильма. Совсем не так. Днем вокруг тебя добрые аульчане. А ночью... они, словно оборотни, готовы разорвать тебя. Несмотря на это, Сашке все равно там было проще. Он ехал умереть, а в результате узнал цену жизни.

Ничего, скоро все закончится. Если враг сильнее тебя и отступить некуда, значит... Значит, надо либо сдаться в плен, либо... Для Сашки это было одним и тем же. Тем более в данном случае.

Он подошел к калитке, допил водку, выбросил пустую бутылку в заросли у ограды и замер: на крыльце стоял обезглавленный мальчик. Голова, зажатая под мышкой, улыбалась. Саша сел на корточки, так, чтобы его лицо было напротив лица мальчика, и оскалился:

– Что, смешно? Да пошли вы все на хер! – И резко вскочив, с силой ударил ногой по отрезанной голове. Она, как футбольный мяч, улетела в глубь огорода. Сашка повернулся к калитке. На него смотрели сотни мертвых глаз.

– Что вылупились, суки? Недолго осталось!

– Опять нажрался? – Перед ним стояла мать. Призраки исчезли.

– Не лезь, мать! Мне надо уйти. – Сашка развернулся и вошел в дом.

– Огород надо перекопать, сарай покосился, а ты все гуляешь. Вот куда сейчас собрался? Сашка прошел на кухню. Мать следовала за ним.

– Саша, ты меня слышишь?

Он достал бутылку водки из материного тайника. Это она его считала тайником, а Сашка давно из него потягивал.

– Ах ты паршивец! Чего удумал?! Я для тебя ее покупала? – возмутилась мать.

Саша посмотрел на нее. За спиной матери стояла голая старуха и играла со своим дряхлым телом.

– Оставь меня в покое, старая бл...ь! – заорал он, глядя на мертвую женщину.

Опешившая мать молча открывала рот, словно рыба. Сашка аккуратно обошел ее и направился к выходу, она села на табурет и заплакала навзрыд.

Он вышел на крыльцо. Мертвецы, уже ждавшие его, расступились, образовав коридор, через который Котов прошел в сторону огорода.

Антонина Федоровна часто плакала из-за сына. Особенно в последнее время. Пить он начал по-черному. Когда Саша решил ехать в Чечню, Антонина Федоровна не стала его отговаривать, хотя знала – на смерть ее мальчишка идет. Да и что она могла ему сказать? Разве он ее послушал бы, начни она его уговаривать? Вряд ли. Да и в глубине души Антонина думала: пусть съездит, может, и пить бросит.

Ведь она знала людей, которые бросали. К примеру, Анатолий Селиванов. Как он пил! Забрали в армию, оттуда в Афганистан. Что-то с ним там случилось... не то в плен попал, не то убило кого-то на его глазах – Антонина толком и не знала. Но, придя домой, он изменился. В приход местный пошел, сейчас батюшкой служит.

Когда ее Сашка вернулся с войны, он все время молчал. Только однажды, напившись, произнес всего два слова: «Все зря». Нет, Антонина Федоровна не ждала, что сын начнет рассказывать о взрывах и стрельбе, но ждала немного большего, чем «Все зря».

Пить Сашка так и не бросил.

«Да лучше б он погиб, как герой, – иногда, после очередного запоя, думала мать, – чем живет, как трутень. Весь в отца. У того тоже по пьяному делу постоянно куча неприятностей. Да и погиб он по пьянке, тот еще «герой» был. Болванка вылетела под давлением из пресса и перерезала его пополам. И все из-за того, что он спяну не обратил внимание на раскрученные болты. Всем вам туда дорога, алкаши проклятые!» Потом, устыдившись своих мыслей, шла в церковь. Помолившись, обращалась к отцу Анатолию за советом.

– Есть такая программа «12 шагов», матушка, – сказал как-то отец Анатолий, в миру Толя Селиванов. – Не наша, конечно, но эффективная. Многим уже помогла.

После советов батюшки Антонина Федоровна расцветала и бежала домой окрыленная мыслями о спасении сына. Но, поговорив с Сашей, понимала: все зря! Слова, произнесенные ее сыном, каким-то образом материализовались и стали неотъемлемой частью их никчемной жизни.

Беда в том, что Саша не считал себя больным! А как можно вылечить того, кто чувствует себя здоровым человеком?

Люди посоветовали таблетки в пищу подкладывать. Пару раз Сашка жаловался, что и полбутылки пива выпить не может – выворачивает его наизнанку. Мать только вздыхала и говорила:

– Бросать надо, сынок. Видишь, уже и организм с этой отравой борется!

Сообразив, наконец, из-за чего с его организмом такие фокусы происходят, Сашка поскандалил с матерью и есть дома перестал.

«Все, – решила Антонина Федоровна, – нет у меня больше сил бороться с ним. Он меня в могилу загонит».

Но все-таки не выдержала и пошла в местную наркологическую больницу. Заглянула в церковь, поставила свечи за здравие, помолилась и поспешила домой. Саша последние дни был сам не свой.

Сегодня утром она вновь решила поговорить с ним о лечении. Глядя на него, Антонина Федоровна поразились переменам, произошедшим с сыном за эти несколько дней. Нет, он пил так же, как и раньше, но, несмотря на это, стал тише и сосредоточеннее, будто ждал чего-то. Может, он все-таки устал? Устал отравлять жизнь себе и другим? Слабая надежда, что все наладится, что не все зря, подталкивала ее сделать то, чего она не делала уже столько лет, – подойти и обнять своего мальчишка, погладить его по голове и спеть ему веселую песенку, после которой он звонко рассмеется, совсем по-детски. Пока она смотрела на Сашу, по нему будто тень пробежала. Возможно, это была просто игра света, но у Антонины Федоровны защемило

сердце. Она вдруг четко увидела своего мальчика лежащим в гробу и подумала: «Он умрет, если не бросит пить».

Скорая смерть – вот что означала длинная черная тень, коснувшаяся Саши.

– Сынок, у тебя все нормально? – начала Антонина Федоровна.

Он печально посмотрел на нее и снова опустил голову.

– Мам, мне сейчас не до разговоров. Извини.

– Сынок, как насчет доктора?

– Делай что хочешь, – равнодушно отозвался Котов.

– Саша, ты не думай, это не кодирование...

– Мам, лишь бы «торпеду» в зад не вшивали. – Александр попытался улыбнуться, но получилась какая-то жалкая гримаса.

– Нет, нет, сынок, – поспешила заверить его Антонина Федоровна. – Гипнотерапия называется.

Мать не знала, что еще сказать. Саша тоже молчал.

– Так я схожу к врачу, договорюсь?

– Гипнотерапия – это то, что надо, мама, – неопределенно проговорил Саша.

– Ну, я пошла?

– Ага. – И парень снова поник.

Антонине Федоровне удалось договориться с врачом. Доктор оказался чуть постарше Саши и доверия у нее не вызывал, но его все советовали. А поговорив с ним, она успокоилась и решила, что он – именно то, что им с Сашей надо. После похода в клинику «alcoholu.net» Антонина Федоровна решила зайти в церковь, а потом вернуться домой.

От церкви до дома – километра два, и она преодолела это расстояние за двадцать минут, настолько не терпелось поделиться с сыном радостью. Уже стемнело, поэтому она сразу не увидела Сашу, а слышала его голос. Саша был пьян и на кого-то кричал. Антонина Федоровна и раньше замечала, что сын разговаривает с вымышленными собеседниками, но сегодня он будто ссорился с кем-то. И опять два слова забились в ее голове: «Все зря!»

– Опять нажрался! – только и смогла произнести она, входя в дом.

Не было ни страха, ни паники. Саша будто смотрел на себя со стороны, когда знаешь, чем все закончится, и все равно продолжаешь смотреть. Мертвые глаза «гостей» следили за Александром. Он продолжал идти. Последний путь. И эти твари провожали его.

Саша глотнул водки и остановился, увидев справа от себя сержанта Рустама Ибрагимова. У солдата отсутствовали руки, из тела торчали два окровавленных обрубка. Саша повернулся к мертвому сержанту. Когда Александр Котов уволился в запас – проще говоря, разочаровался в военной романтике и расторгнул контракт, – Русик был с руками.

– Значит, вот оно как, Русик? А Серега Дронов? Мишка Горюнов?..

Мертвец будто понял, чего от него хотят, и мотнул головой куда-то за спину Котова. Сашка обернулся. Серега и Мишка стояли рядом. Котов был уверен, что и погибли они вот так же вместе. У Сереги в груди зияла дыра размером с кулак, а у Мишки отсутствовало полголовы, поэтому на бывшего сослуживца сержанта Котова смотрел только один мутный глаз.

– Так-то, братцы. Значит, все зря, – произнес Сашка, развернулся и снова подошел к Ибрагимову.

– За мной должок, помнишь? – Он попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло.

Воспоминания о трехдневном плене у зверей показались Сашке более ужасными, чем происходящее теперь. Тогда если бы не этот обрубок со стеклянными глазами, Котова в лучшем случае убили бы, а в худшем... Сашка непроизвольно потрогал свой пах.

– Ну что, Русик, ты меня вытащил тогда из пекла, чтобы я некоторое время еще побегал с... Нет! – вскрикнул Сашка, будто вспомнив что-то важное. – Я понял! Ты пришел, чтобы

вытащить меня из плена! Из плена моей долбаной привычки! – Он заглянул в мутные глаза Рустаму, и на мгновение ему показалось, что неосмысленный взгляд боевого товарища стал осуждающим. Нет, только показалось. Русик на его стороне, и он пришел за Сашкой. Теперь Котов будет рядом с парнями, которые погибли по собственной глупости либо по приказу. Для Сашки это всегда было одним и тем же.

– Ну что, боец? Сегодня я умру, – усмехнулся Саша. – Зато с яйцами. – Он глотнул из бутылки и пошел к яблоне в конце огорода.

Мертвецы исчезли.

Шум на лестничной площадке усилился. Ваня выругался и встал с дивана. Хмель еще не прошел, но голова уже болела, а во рту словно табун пасся. Гул за дверью стал еще сильнее, казалось, что хулиганы расположились прямо в коридоре квартиры Щеглова.

Иван сразу узнал парней, стоявших на площадке у его жилища. Многих из них он встречал в видеосалоне «Родник». Непокойные ребята. Семен Елизаров месяц как освобожден. Других Иван тоже знал, но имен вспомнить не мог.

– Здорово, Ваня, – блеснул коронкой Елизаров.

– Здорово. Что вы тут галдите?

– Галдят петухи у пара... – начал один из свиты Семена, но Елизаров его одернул.

– Кириян там лохов жизни учит.

– Кириян научит, – усмехнулся Иван, подошел к слишком разговорчивому парню и посмотрел ему в глаза. – Петухи, говоришь?

Парень молча отвернулся.

Иван спустился вниз. Между третьим и четвертым этажами стояли три парня. Огромный мужчина с голым торсом, покрытым татуировками, жался к грязно-зеленой стене. Рядом, усмехаясь, переминался с ноги на ногу какой-то злобный подросток. Кириян стоял напротив.

Иван еще не услышал, о чем спор, но, увидев тату, все понял. Кириян любил пустить пыль в глаза молодым. Иван вспомнил его слова: «За каждый партак ты должен ответить». Один из этих молодых как раз стоял рядом, следовательно, было перед кем покрасоваться.

– Ты по понятиям живешь? – говорил Кириян. – Откуда у тебя погон?..

– Кириян, тебе что, на зоне не надоело разбор полетов устраивать?

Кириенко удивленно повернулся на голос и вдруг дружелюбно улыбнулся:

– Иван, Иван. Ну, здорово, соседка!

Раздражали Ивана и разборки эти, и наглый подросток, и разрисованный атлет, который забился в угол, как побитая собака. Шавка!

– Кириян, ты же знаешь, я в ваши блатные дела не лезу. Но ты можешь эту Третьяковскую галерею допросить у себя в квартире? А то у меня голова трещит...

– Ванюх, мы ж не громко. Голова твоя тоже дело поправимое. Пойдем лучше выпьем.

– Вот это дело! – потер руки подросток.

– Эй, опричники, айда бухнем! – крикнул Кириян в открытую дверь своей квартиры.

Иван увидел там еще шестерых и по их манерам понял, что каждый из них в тюрьме побывал как минимум по разу. Стараясь держаться как можно спокойнее, он вошел и присел рядом с ними. Справа расположился подросток, слева сел Елизаров, двухметровый атлет в татуировках устроился в дальнем конце стола. Ему наконец разрешили надеть футболку. Вдруг качок поднялся, возвышаясь над столом, словно гора.

– Кириян, можно я пойду?

Он отпрашивался! Эта гора мышц боялась и была готова бежать без оглядки.

«Сейчас, – подумал Иван, – несмотря на свои метр с кепкой, Кириян выглядит куда сильнее, чем эта туша». Чувство жалости к этой пародии на мужчину оказалось настолько сильным, что Иван встал и обратился Кирияну, говоря с нажимом:

– Отпусти его.

– Че за херь? Петухи взбунтовались, – прозвучало за столом.

Иван сразу догадался, кто это. Похоже, это слово у паренька – любимое. Но он пропустил реплику мимо ушей, продолжая стоять и смотреть на Кириенко. Атлет молча ждал приговора. В комнате повисла тишина.

Кириян оскалился:

– А че, пусть чешет! Нужен он нам... – И наглый подросток подмигнул кому-то за столом.

Накачанный болван почти побегал. К удивлению Ивана, никто не обратил внимание на его бегство. Парни разбились на группы и мирно беседовали. Елизар рассказывал о своем последнем сроке. Вдруг кто-то легонько стукнул Ивана по спине. Щеглов повернулся – парень, что сидел справа, показал куда-то перед собой.

– Да пошел ты! – махнул на него Елизар, недовольный тем, что его перебили. – Ну, так вот... – продолжил он, но ему опять помешали.

– Эй, Иван – крестьянский сын! – Голос принадлежал молодому хаму.

Иван повернулся к ухмыляющемуся парню, а Кириян пристально посмотрел на Щеглова.

– Я слышал, ты боксом занимался? – не унимался любитель петухов.

– Ага. Я еще и на танцы ходил, – произнес Ваня.

Елизаров с улыбкой смотрел на происходящее.

– Мне насрать, куда ты там еще ходил. Я у тебя спросил: ты боксом занимался?

Иван встал.

– Если сейчас не успокоишься, ответ узнаешь раньше, чем потеряешь сознание.

– Эй, вы, что тут у меня устраиваете? – подал наконец голос Кириян. – Давайте в коридор, там и разбирайтесь.

Иван вышел вслед за парнем, пожелавшим увидеть боксера в деле, схватил его в охапку и, встряхнув, прижал к стене.

– Ты что, сучок, судьбу за яйца решил подергать? – Ивана трясло от злости, а с лица задиры не сходила ухмылка. – Я тебя сейчас...

И тут кто-то дернул Ивана за рукав. Он обернулся. Слишком много было выпито, и алкоголь замедлил реакцию, поэтому удар быстро достиг цели. В голове у Ивана загудело. Если бы сейчас все накинудись на него гурьбой, то просто убили бы его. Иван отпустил ухмыляющегося парня, посмотрел на вышедших из комнаты мужчин, на стоящего рядом подонка с кирпичом в руке.

«Вот сука! Откуда здесь кирпич?»

Кирпич мог быть откуда угодно. Хотя бы из-под кровати, которой служил подпоркой. Те, кто десять минут назад выпивали с ним за счастливый выход на свободу, окружили Ивана. В глазах горел злобный огонь. Они жаждали расправы, хотели принять участие в кровавом шоу. А жертвой был Иван.

Вперед вышел Кириян.

– Ну что, Ванюша? Ты сказал: отпусти. Я отпустил? Отпустил. Заметь, как ты сказал, так я и сделал. Тем самым оставил пацанов без развлечения.

– Пусть на работу устроятся, там и развлекаются.

– Дерзишь, соседка... Нам по понятиям не положено.

– Да засунь себе в задницу свои понятия!

Парень с кирпичом поднял руку, чтобы снова ударить Ивана, но Кириян остановил его.

– Я ж на твоей стороне, Ванюш. Мы ж с тобой с детства...

– Ты меня ни с кем не путаешь?

– Ладно, бык. Буду считать до пяти. – Кириян продолжал улыбаться, но тон резко сменился. – Тебе этого вполне хватит добежать до собственной двери. Если на счет «пять» твоя рожа еще будет здесь, не обессудь – развлечением у пацанов станешь ты.

Иван посмотрел в глаза Кирияну. Тот взгляд выдержал и начал считать:

– Раз.

«Если я сейчас побегу, доставлю им большое удовольствие...»

– Два.

«...сколько разговоров потом будет. Мол, Ванька трус, испугался Кирияна. И никто не скажет, что за спиной этого карлика десять таких, как Иван, стояло».

– Три.

«Не дождетесь!»

На счет «четыре» Ваня ударил Кирияна. Кулак с чавкающим звуком вошел в его грудь. Иван вытащил руку и с отвращением стал вытирать об себя.

– Пять! – прорычал Кириян и оскалился.

Рана, зияющая в груди, казалось, совсем не мешала жизнедеятельности его пропитого организма. Гной, сочившийся из дыры, намочил джинсовую рубашу и закапал на пол. Парни стояли, покачиваясь, в ожидании приказа. Костлявые руки, словно палки, свисали вдоль тел, в спутанных волосах – комья земли и сухие листья. Мутные выпученные глаза, не скрывая злобы, наблюдали за будущим развлечением.

«Как я сразу не понял?! Они не в тюрьме отсидели! Они умерли! А теперь вылезли из могил, чтобы убивать живых! Качок все понял и сбежал, а я остался! Остался, чтобы пожрать водки! Теперь сожрут меня!»

Щеглов начал пятиться, поглядывая на окруживших его мертвецов. Монстры наступали, выставив перед собой когтистые руки. Иван уперся в стену. Спасительный выход находился как раз за спинами тварей. Вдруг стена, как двери лифта, разъехалась, и Щеглов полетел вниз...

Глава 3

Иван проснулся, лежа на полу перед диваном. Наверное, упал во сне. Голова раскалывалась. Привидевшийся сон казался явью, и этот кошмар полностью повторял события пятилетней давности. Никаких мертвецов, конечно же, не было. Щеглов вообще отказывался верить в подобный бред. Призраки, мертвецы, вампиры и оборотни – вся эта гребаная нечисть может быть порождением больного сознания, галлюцинациями долбанных наркоманов. Он верил только в то, что есть хорошие парни и плохие. В тот день плохие парни избили одного хорошего. Неумного, но хорошего. Умный бы не пошел в логово «зверей». Даже если ты живешь с детства бок о бок с милым зверьком, делишь с ним кусок хлеба, ты все равно должен быть готов к тому, что он вырастет зверем и захочет убить тебя просто так, для развлечения. Потом Иван, конечно, понял, что к чему. Но было слишком поздно.

Лежа на больничной койке, Щеглов осознал, что блатные ждали, когда он останется один. А он и остался. И еще одну ошибку совершил в ту ночь. Иван подумал тогда, что Кириян и Елизар не будут его бить и сдержат остальных. Ну, максимум, с кем придется подраться, так это с парочкой наглых подростков. Плевать для него. И дракой-то не назовешь. Просто сказали бы, что Ванька двум оболтусам накостылял. Но вышло все наоборот. Били без разбора, больно и сильно. Вот и все, что помнил Ваня.

Мужчины вытащили Щеглова во двор, попинали уже обездвиженное тело и разошлись как ни в чем не бывало. Они хотели развлечения, они его получили.

Обдуманном поступком этот эпизод из жизни Вани не назовешь. Зато он еще раз уяснил для себя правило номер один поведения в болоте: как можно меньше лишних движений!

Когда позвонил Макс, было около десяти часов утра. Иван вылез из постели в половине одиннадцатого. Прошел в ванную, принял душ. После прохладного душа состояние значительно улучшилось. Хотел побриться, но побоялся выйти из дома без ушей. Руки тряслись. Отложил станок и, вытираясь, пошел в кухню. Свист чайника ножом резанул слух, а затем и мозг.

– Все, бросаю пить, – громко произнес Иван.

Он знал, что это обещание труднее выполнить, чем дать. На его родном заводе пили все и везде: у станков и в кабинетах, в столовой и в раздевалках. Когда Иван устроился на завод энергетиком, к нему подошел начальник цеха и без тени улыбки предупредил:

– На рабочем месте не пить. – Пауза. Иван подумал, что его оценивают. – А если и пить, то только со мной.

Ваня старался не пить на рабочем месте, по крайней мере через проходную выходил на ногах. А у завода – друзья. И понеслось. Кафе «У Захара», ожидающий их столик и выпивка (иногда дармовая). А с начальником он никогда не пил, был ближе, как говорится, к народу.

Иван договорился с Лешкой и Максом встретиться в кафе в двенадцать. В его распоряжении был час. Он вспомнил вчерашний разговор о фильме ужасов. Было такое ощущение, что друзья его разыграли, пересказали сюжет «Звонка», адаптированный под российскую глубинку.

Ваня налил себе кофе и пошел в комнату. Включил телевизор. Рекламный блок какого-то пива сменился рекламой клиники, лечащей алкогольную зависимость.

– То, что доктор прописал, – усмехнулся он и отпил дымящийся напиток.

На экране холеный мужчина говорил в камеру о достоинствах своего заведения:

– Нас характеризует то, что тысячи пациентов доверились нам. Вот только малая часть писем, присланных нам благодарными людьми.

Кадр сменился. Помятый мужчина на вид лет пятидесяти начал рассказывать свою историю. Ваня узнал его. Это был Филька Силин из второго цеха.

– В 2005 году я обратился к доктору Соколову. Тогда у меня были запои. В результате беспричинная агрессия по отношению к родственникам. От меня ушла жена, выгнали с работы. В общем, жизнь пошла под откос. Доктор Соколов провел со мной шесть сеансов и закодировал меня на два года. Я не пил четыре. Ко мне вернулась жена. Я устроился на хорошую работу. В августе 2009 года я снова обратился к доктору. Нет, пить я не стал, просто мы с женой решили обратиться к Илье Сергеевичу, как говорится, для профилактики. Я доверяю Илье Сергеевичу. И большое спасибо всему коллективу клиники «alcoholu.net».

Все это походило на инсценировку, приготовленную специально для таких, как Иван Щеглов. Сценарий, конечно, писал не Филька, а, скажем, Илья Сергеевич Соколов.

Снова смена кадра. Перед камерой опять сидел холеный доктор. Как-то это мало походило на рекламу. Иван хотел дослушать этого «спасителя» до конца, но надо было уходить.

Вдруг Иван вспомнил, что ему говорил Эдик: «Месяц назад Филька Силин вены себе вскрыл куском стекла».

«Значит, ролик в записи. Залечили тебя, Силин. До смерти залечили».

– Сейчас мы работаем над одним экспериментом... – продолжал с экрана Соколов.

– Забытый эксперимент, – хмыкнул Ваня и выключил телевизор. – Сейчас мы выпьем и забудем про твой эксперимент.

Алешу переполняли чувства, в основном теплые. Он был счастлив. Много ли десятилетнему мальчишке нужно? Сходить в свой день рождения в кинотеатр с папой. И даже если бы сразу после просмотра «Фитиля» баба Клава, контролер и билетер в одном лице, сказала, что сломался проектор, настроение Леша не ухудшилось бы. Но ничего такого не произошло. «Необыкновенные истории» оказались не такими уж необыкновенными, но впечатление от того, что он пришел в кино с папой, было ни с чем не сравнимо.

Но к восьми вечера Алеша забыл об этом чувстве. У него появились два новых – испуг и ненависть.

Они шли от кинотеатра до дома пешком, и всю дорогу Алеша пересказывал фильм. Папа улыбался и поправлял мальчика там, где того требовал рассказ. И тут появились они. Пьяные, наглые. Повзрослев, Алеша часто встречал таких, но тогда его начало трясти от напряжения и страха.

– Опа-па! Папашка с сынулей гуляют. – Гнусавый голос парня вызывал отвращение.

Алеша посмотрел по сторонам: кроме четверых подвыпивших парней, вокруг никого не было. Двое сидели на деревянных ящиках из-под фруктов и играли в карты. Другие два стояли и следили за игрой. У ящика, служащего им столом, стояли три бутылки с какой-то темно-красной жидкостью.

– Батя! А ты усынови меня, – подошел к ним здоровый парень в красной футболке с четырьмя белыми буквами на груди: «СССР», – и дай денег на мороженое.

– Ребята, дайте пройти, – тихо, но с нажимом сказал отец. Леша крепко сжал его руку.

– А мы никого не держим. Дай денег и иди. – К здоровяку подошел маленький, взъерошенный, как воробей, парень.

Будь он один, я бы его побил и без помощи папы, подумал Алеша. Но когда «воробей» достал нож, уверенность Алеша улетучилась.

– Ну так что, папаша? – «Воробей» начал подходить, размахивая перед собой ножом.

– Ребят, у малыша сегодня день рождения...

– Тем более, – встрял здоровяк. – Ты дай денег, и мы выпьем за сынулю.

Картежники нагло рассмеялись.

Папа нагнулся к Алеше и тихо сказал:

– Сынок, беги.

– Но...

Отец приложил к его губам палец.

– Алеша, без вопросов. Беги!

Мальчик начал осторожно отходить, не решаясь повернуться спиной к хулиганам. Пока отходил, видел, что картежники встали и пошли, разминая руки, к отцу. Алеша остановился и посмотрел на него. Папа одними губами сказал: «Беги!» Ох, как не хотелось оставлять отца одного. Но как он мог ему помочь?

Вдруг Алеша сообразил, что можно сделать, и со всех ног бросился к кинотеатру. По дороге обязательно должны встретиться люди.

Пробежав метров сто, он увидел мужчину, выбивающего ковер, и закричал:

– Дяденька, дяденька! Помогите! – Подбежав ближе, схватил мужчину за руку и потянул в сторону темного переулка.

– Да стой ты, бандит! – Мужчина выдернул руку из крепкой хватки мальчугана.

– Я не бандит! – выкрикнул Алеша. – Бандиты там! Они! Моего! Папу! Бьют! – И Алеша заплакал.

Мужчина попытался успокоить его.

– Ну-ну, малыш...

– Дяденька, пойдемте быстрее...

– Куда это ты собрался?

Мужчина и Алеша повернулись на голос. У подъезда стояла толстая женщина. Белые крашенные волосы убраны в хвост.

– Это... Милая... Там у мальчонки что-то случилось... – попытался оправдаться мужчина.

– Он что, твой? – Этот вопрос удивил даже Алешу.

– Нет! – пискнул, переходя на фальцет, мужчина. – Что ты? Я его в первый раз вижу...

– Тогда взял ковер и пошел домой!

– Но там... моего папу... бьют...

Мужчина молча скрутил ковер, водрузил на плечо и направился к подъезду. Проходя мимо Алеши, не поворачивая головы, бросил:

– Не женись, малыш. Никогда!

Понимая, что уходит последняя надежда спасти папу, Алеша крикнул:

– Там убивают моего папу!

Женщина подождала, когда муж зайдет в подъезд, и ответила:

– Вот и иди к СВОЕМУ папе. Нечего к чужим приставать. – Развернулась и ушла.

Алеша посмотрел по сторонам. Слезы нахлынули новой волной. У футбольных ворот, где висел ковер, валялась палка, которой мужик выбивал ковер. Алеша схватил ее и понесся к переулку. И так уже много времени потерял.

Когда он подбежал к серому зданию, за которым остался папа, оттуда раздавались крики и звуки ударов. И вдруг все стихло. Алеша свернул за угол. Навстречу ему бежали два парня, те, что играли в карты. Лица у них были растерянными и испуганными. Алеша наотмашь ударил одного из них. Удар пришелся по ноге – палка в руке спружинила. Парень споткнулся, но не остановился, чтобы наказать наглеца. Потер ногу и побежал дальше. Что их могло так напугать?

Алеша повернулся и медленно пошел в темный переулок.

– Смотри, щенок идет. Бежим! Он точно кого-нибудь привел... – услышал он дрожащий голос здоровяка.

Мальчик различил в темноте два силуэта. Большой и маленький. Папы нигде не было.

– Где мой папа? – крепко сжимая палку вспотевшими ладонями, спросил он. Во рту пересохло. Слова больно резали глотку.

– Я не хотел... – плаксивым голосом произнес «воробей». – Он сам прыгнул...

Алеша разглядел в руке парня нож. И тут то, что мальчик принял за пакеты с мусором, зашевелилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.